

70668

Цена 25 коп.

Индекс 70668

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Во всех книжных магазинах и киосках продаются билеты Всероссийской книжной лотереи.

Вероятность выигрыша достаточно велика: из каждых 200 билетов 69 выигрышных.

Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрыша заранее обозначена на внутренней стороне запечатанного билета: 50 копеек, 1, 3 и 5 рублей.

По выигрышному билету можно приобрести по своему выбору книгу или другие товары из наличного ассортимента книжного магазина или киоска на территории РСФСР.

Прочитанные книги вы можете продать книжным магазинам. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Желаем удачи!

**Росглавкнига.
Дирекция Всероссийской книжной
лотереи.**

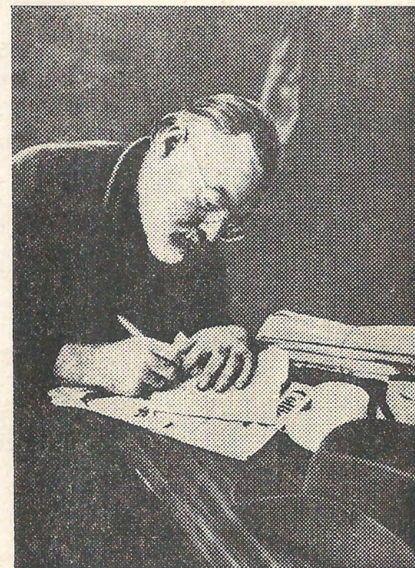
Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 3

1983

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

**«...ОСТАВАТЬСЯ
САМИМ СОБОЙ...»**

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»**

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

**«...ОСТАВАТЬСЯ
САМИМ СОБОЙ...»**

(ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА)
(1918—1961)

*Публикация, перевод с английского
и комментарии Виктора ПОГОСТИНА*

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Эрнест ХЕМИНГУЭИ

Эрнест Хемингуэй (1899—1961)— виднейший представитель литературы США XX века, лауреат Нобелевской премии 1954 года.

Родился в семье врача в г. Оук-Парк, неподалеку от Чикаго. Пройдя хорошую журналистскую и редакторскую школу, Хемингуэй вступил в литературу в середине 20-х годов сборником рассказов «В наше время». Широкую известность ему принес роман «И восходит солнце» (1926). Следующий роман, «Прощай, оружие!» (1929), окончательно определил место Хемингуэя в литературе США. Он был знаменитым охотником и рыболовом, страстно любил природу, много путешествовал, многое испытал. Навсегда полюбивший Испанию и ее народ, Хемингуэй во время гражданской войны в Испании оказывал всяческую поддержку республиканцам. Пребывание в Испании благотворно сказалось на творчестве писателя. Главный итог испанского периода — роман «По коим звонит колокол» (1940). В Испании же в 1937 году Хемингуэй завершил свой роман «Иметь и не иметь», ставший весьма важным этапом творческой эволюции писателя.

Участник двух мировых войн, получивший несколько тяжелых ранений, Хемингуэй во всем своем творчестве выступает ярким противником войны. Последняя прижизненная книга Хемингуэя, повесть «Старик и море» (1952),— это своего рода творческое завещание писателя: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». В Советском Союзе опубликованы все наиболее значительные произведения Хемингуэя.

Э. ХЕМИНГУЭЙ — АВТОПОРТРЕТ В ПИСЬМАХ

За последние несколько лет «Библиотека «Огонек» познакомила советских читателей с целым рядом произведений, составляющих значительную часть щедрого литературного наследия, оставленного одним из крупнейших зарубежных писателей XX столетия — Эрнестом Миллером Хемингуэем. В 1975 году в этой серии вышел роман-пародия «Вешние воды», в 1980 году — сборник «В Черном лесу», в который вошли малоизвестные как на родине Хемингуэя, так и в СССР журналистские работы писателя.

В предлагаемый читателям сборник «...Оставаться самим собой...» вошли 46 из 900 писем, изданных в 1981 году в США одним из исследователей жизни и творчества Хемингуэя, Карлосом Бейкером.

46 из 900 — такое неравное соотношение объясняется не только требованиями объема книжечки. Резко отрицательное отношение художника к вторжению литературных критиков и исследователей в его личную жизнь не раз заставляло задумываться о правомерности опубликования переписки писателя даже исследователей, лишенных стремления к дешевой сенсационности. Именно этим объясняется то, что при жизни писателя не публиковались не только его письма и многие журналистские работы, но и те художественные произведения, которые, по его мнению, не соответствовали установленному им самим чрезвычайно строгому литературному эталону. Однако после смерти всякого крупного художника все его литературное наследие, все, что им было написано и может дополнить его творческий портрет, все, что может помочь нам понять истоки, мотивы и идеи, лежащие в основе его творчества, — все это неизбежно становится достоянием истории, науки, любящих его творчество читателей. Очевидно, это

хорошо понимал и сам Хемингуэй. Вот что писал он в 1944 году одному из своих постоянных редакторов, Максвеллу Перкинсу, по поводу посмертного издания писем другого мастера прозы, Скотта Фицджеральда: «Я хотел бы, чтобы ты сохранил письма Скотта для того, чтобы издать о нем посмертно хорошую книгу, а не отдавал бы их Банни (Эдмонду) Уилсону (амер. критик.— В. П.) для его коварных упрямлений... У меня сохранилось много писем Скотта... и я займусь ими сразу же после окончания этой войны. У меня есть письма периода «Гэтсби», парижского периода и т. д. Все они о писательстве и показывают его сильные стороны... Я посоветовал бы и тебе сохранить эти письма до тех пор, пока мы не сможем издать книгу о Скотте и его письма. Я лучше других знал его на протяжении многих лет и был бы рад написать о нем большую, правдивую, справедливую, подробную книгу... Я предложил бы Джону Бишопу (амер. критик.— В. П.), который любил, знал и понимал Скотта лучше, чем Уилсон, быть редактором такой книги...»

Как видим, Хемингуэй не просто осознавал необходимость посмертного издания литературного наследия и писем писателей, но призывал к бережному обращению с ними. Думается, что этого же Хемингуэй был бы вправе требовать и по отношению к посмертным изданиям собственных работ и переписки.

За свою жизнь Хемингуэй написал свыше 6000 писем. Карлос Бейкер собрал 2500 из них, а опубликовал только 900. Следует отдать должное проделанной им огромной работе и достаточно осторожному отбору писем для публикации.

И все-таки 46 из 900! Почему? На наш взгляд, значительная часть отобранных К. Бейкером писем — деловая переписка с издательствами о финансовых вопросах, сугубо личные, сделанные горяча откровения — вообще должна была остаться достоянием письменного стола писателя; другая часть, перегруженная малоизвестными именами и сведениями, вряд ли представляет интерес для широкой читательской аудитории и может интересовать лишь небольшое число специалистов-литературоведов; третья часть — письма с оценками собственных недостатков и множеством деталей, относящихся к его биографии и истории создания ряда произведений — безусловно представляет интерес и могла бы войти в более полное академическое издание литературного наследия Хемингуэя.

Единственными критериями отбора писем в предлагаемый сборник служили: интерес, который представляют некоторые из писем как небольшие, но вполне самостоятельные художественные произведе-

ния; ценность содержания, проливающего свет на сложные моменты в творчестве и биографии художника, на его понимание творческих процессов, лежащих в основе писательского труда; наконец, важным критерием отбора служило публицистическое значение многих писем, помогающих нам понять политические и моральные установки писателя, который вопреки утверждениям буржуазных критиков так определил в одном из писем свое политическое кредо: «...симпатии мои всегда на стороне эксплуатируемых рабочих, и я против лендлордов, даже если мне случается выпивать с ними и стрелять по глиняным летающим мишеням. Я бы с радостью перестрелял их самих...»

Хемингуэй как-то в шутку заметил, что письма «дают прекрасную возможность отлынивать от работы и в то же время чувствовать, что ты что-то сделал». И все же каждое из включенных в данный сборник писем по-новому освещает самые разные аспекты его жизни, начиная с военных впечатлений времен первой мировой войны, профессиональной журналистской деятельности в 20-е годы в качестве корреспондента «Торонто дейли стар», в 30-е годы — в качестве корреспондента Североамериканского газетного объединения НАНА во время национально-революционной войны в Испании и во время второй мировой войны, когда писатель был главой европейского бюро журнала «Колльерс».

Письма также позволяют лучше понять его сложные отношения с семьей, с любимыми женщинами, друзьями, собратьями по перу. Они расскажут нам о первых ярких, необыкновенно точных впечатлениях писателя, побывавшего в десятках стран на четырех континентах, где он всегда был не просто свидетелем, а активным участником происходивших там важнейших событий XX века.

Многие письма Хемингуэя послужили основой появившихся позднее на страницах газет и журналов публицистических работ писателя. Так, в гневном, обличительном письме М. Перкинсу о гибели ветеранов войны во Флориде (1935 г.) читатель без труда заметит сходство не только изложенных фактов, но и изобразительных средств с известным публицистическим памфлетом «Кто убил ветеранов войны во Флориде», опубликованным чуть позднее в журнале «Нью-мэссиз». Впечатления, изложенные в письме одному из друзей, У. Хорну, о поездке в Италию по местам бывших боев (1923 г.) почти полностью вошли в опубликованный в «Торонто дейли стар» очерк «Ветеран приезжает на места бывших боев», а затем легли в основу ряда эпизодов в романах «Прощай, оружие!» и «За рекой в тени деревьев».

Конечно же, Хемингуэй, как и всякий серьезный мастер, хотел, чтобы читатель судил о нем по лучшим его произведениям — романам и рассказам. Но письма писателя, дополняя его художественные и журналистские произведения, помогают нам полнее представить Хемингуэя, человека и писателя — борца за справедливость, демократию, против империалистических войн.

*Виктор ПОГОСТИН,
кандидат филологических наук*

18 августа 1918 года

*Письмо к родным
Милан*

Дорогие родственники:

Сюда я включаю и дедушку, и бабушку, и тетюшку Грейс. Большое спасибо за 40 лир! Очень кстати. Вот так штука, дорогие, но мое ранение точно наделало много шума! Сегодня получил «Оук-ливс» и оппозиционную газету и уж начал подумывать, что вы меня недооценивали, пока я жил под семейным крылышком. Бóльшее удовольствие может доставить только чтение некролога о собственной гибели.

Знаете, говорят, в этой войне нет ничего смешного. И это так. Не скажу, что война — ад, уж очень заездили такие слова со времен генерала Шермана, но раз восемь я предпочел бы угодить в преисподнюю. Может статься, там не так скверно, как на этой войне. Например, в окопах, когда во время атаки в группу людей, среди которых стоишь и ты, прямым попаданием угодил снаряд. Снаряды не так уж страшны, если нет прямого попадания. Конечно, может задеть осколком. Но при прямом попадании на тебя градом сыплются останки товарищей. Буквально сыплются. За шесть дней, проведенных в окопах на передовой всего в пятидесяти ярдах от австрийцев, я прослыл заговоренным. Надеюсь, так оно и есть. Вы слышите постукивание — это звук моих костяшек о доски на койке.

Что ж, теперь я могу клятвенно поднять руку и заявить, что был обстрелян фугасными минами, шрапнелью, химическими снарядами, ручным «гранатометом», снайперами, пулеметами и в дополнение ко всему аэропланом, совершавшим налет на наши позиции. Правда, в меня еще на бросали ручной гранаты, но винтовочная граната разрывалась довольно близко. Возможно, ручная граната еще впереди. И после всего получить только пулеметное ранение и осколки мины, да и то, как говорят ирландцы, наступая в направлении тыла, это ли не везение. Что скажете, родственники?

227 ранений, полученных от разорвавшейся мины, я сразу даже не почувствовал, только казалось, будто на ноги мне надели резиновые ботинки, полные воды. Горячей воды. И колено повело себя как-то

странно. Пулеметная пуля стегнула по ноге словно обледеневший снежок. Правда, она сбила меня с ног. Но я поднялся и дотащил своего раненого до блиндажа. У блиндажа я просто рухнул. Итальянец, которого я тащил, залил кровью мой китель, а брюки выглядели так, словно в них делали желе из красной смородины, а потом прокололи дыры, чтобы выпустить жижу. Капитан, большой мой приятель — это был его блиндаж — сказал: «Бедняга, Хем, скоро он О. В. П.». Это значит «обретет вечный покой». Из-за крови на кителе они решили, что у меня прострелена грудь. Но я заставил их снять с меня китель и рубашку. Нижней рубашки не было, и мой старый торс оказался целехонек. Тогда они сказали, что я, возможно, буду жить. Это меня бесконечно ободрило. Я сказал капитану по-итальянски, что хочу взглянуть на ноги, хотя мне и было страшно. Итак, мы стянули брюки, и мои конечности были на месте, но, бог мой, в какое месиво они превратились. Никто не мог понять, как мне удалось пройти сто пятьдесят ярдов с такой ношей, простреленными коленями и двумя здоровенными дырками в правом ботинке. Кроме того, я получил еще свыше двухсот легких ранений. «О,— сказал я,— мой капитан, это пустяки. В Америке такое может любой. У нас главное не показать противнику, что мы разбиты!»

Тирана эта потребовала некоторого напряжения моих лингвистических способностей, но я с ней справился и тут же отключился на пару минут. Когда я пришел в себя, они потащили меня на носилках три километра до перевязочного пункта. Дорога была перепахана снарядами, и санитарам-носильщикам пришлось идти напрямик. Как только заслышат большой снаряд — жж-ух-бум,— так сразу меня на землю и сами плашмя рядом. Теперь мои раны болели так, словно 227 дьяволят впивались когтями в тело. Во время наступления перевязочный пункт эвакуировали, так что в ожидании санитарной машины мне пришлось два часа проваляться в конюшне, крышу которой снесло снарядом. Когда машина пришла, я приказал им проехать дальше по дороге и подобрать раненых солдат. Машина вернулась, полная раненых, и меня погрузили в кузов. Артобстрел все еще продолжался, и где-то позади ухали наши батареи, и 250- и 350-миллиметровые снаряды, грохоча как паровоз, пронеслись над нами в сторону Австрии. Потом мы слышали их разрывы за передовыми позициями, и снова свист большого звстрийского снаряда и грохот взрыва. Но наши палили чаще и более крупными снарядами. Потом сразу за нашим навесом заговорили полевые пушки — бум, бум, бум, бум, и 75- и 149-миллиметровые снаряды, шипя, полетели к австрийским позициям, и пулеметы трещали, как клепальные молотки,— тат-а-тат, тат-а-тат.

Два-три километра меня везли в итальянской санитарной машине и потом выгрузили в перевязочном пункте, где оказалось полно знакомых офицеров-медиков. Они сделали мне укол морфия и проти-

востолбнячный укол, и побрили ноги, и извлекли из них двадцать восемь осколков разной величины. Они великолепно наложили повязки, и все пожали мне руки и, наверное, расцеловали бы, но я их высмеял. Пять дней я провел в полевом госпитале, а затем меня перевезли сюда, в базовый госпиталь.

Я послал вам телеграмму, чтобы вы не волновались. В госпитале я пробыл один месяц и двенадцать дней и надеюсь через месяцок выйти отсюда. Хирург-итальянец здорово поработал над моей правой коленкой и правой ступней. Он наложил двадцать восемь швов и уверяет, что я смогу ходить не хуже, чем до сих пор. Раны все затянулись, и инфекции не было. Он наложил гипс на правую ногу, чтобы сустав сросся. У меня осталось несколько оригинальных сувениров, которые он извлек при последней операции.

Пожалуй, теперь без болей я буду чувствовать себя даже неудобно. Через неделю хирург намерен снять гипс, а через десять дней он позволит мне встать на костыли.

Придется заново учиться ходить.

Это самое длинное письмо из всех, что мне доводилось писать, а сказано в нем так мало. Поклон всем, кто обо мне справлялся, и, как говорит матушка Петингил, «Да оставят нас в покое, дабы могли мы пребывать в семьях своих!»

Доброй ночи и всем моя любовь.

ЭРНИ

3 марта 1919 года

*Джеймсу Гэмблу
Оук-Парк, Иллинойс*

Дорогой вождь,

знаешь, я бы написал тебе и раньше. В моем дневнике в течение месяца было нацарапано на первой странице «написать Джиму Гэмблу». Каждый день, каждую минуту я корю себя за то, что меня нет с тобой в Таормине. У меня дьявольская ностальгия по Италии, особенно когда подумаю, что мог бы быть сейчас там и с тобой. Честно, вождь, даже писать об этом больно. Только подумаю о нашей Таормине при лунном свете, и мы с тобой, иногда навеселе, но всегда чуть-чуть, для удовольствия, прогуливаемся по этому древнему городу, и на море лежит лунная дорожка, и Этна копит вдалеке, и повсюду черные тени, и лунный свет перерезает лестничный марш позади виллы. О, Джим, меня так сильно тянет туда, что я подхожу к замаскированной книжной полке у себя в комнате и наливаю стакан и добавляю обычную дозу воды, и ставлю его возле потрепанной пишущей машинки, и смотрю на него некоторое время, и вспоминаю,

как мы сидели у камина после одного из обедов... и я пью за тебя, вождь. Я пью за тебя.

Бога ради, пока можешь, не возвращайся в эту страну. Поверь знающему человеку. Я патриот и готов умереть за эту великую и славную страну. Но жить здесь, черта с два!

Нога молодцом, родные в порядке, было здорово снова увидеть их. Кстати, они не узнали меня, когда я сошел с поезда. У меня было бурное, но приятное путешествие домой. Три великолепных дня на Гибралтаре. Я одолжил штатский костюм у какого-то английского офицера и съездил в Испанию. Потом, как всегда, несколько сумасшедших дней в Нью-Йорке... Здесь из меня пытались сделать героя. Но ты и я знаем, что настоящие герои мертвы. Будь я действительно смельчаком, и меня бы не было в живых...

Написал несколько чертовски хороших вещей, Джим. И начинаю кампанию против филадельфийской газеты «Сатердей ивнинг пост». В прошлый понедельник послал им первый рассказ. Пока, конечно, молчат. Завтра еще один рассказ отправится к ним. Я намерен послать им так много рассказов и все такие шедевры (нет, голова моя не вскружилась), что им придется купить их по крайней мере в целях самозащиты...

...Невеста² моя все еще в забытом богом местечке Торре-ди-моста за Пьяве... Она пока не знает, когда вернется домой. А я откладываю деньги. Можешь себе представить? Я не могу... Вот что значит не пить и быть за тридевять земель от друзей. Может быть, теперь, когда я исправился, я ей больше не понравлюсь, правда, исправился я не окончательно...

Знаешь, мне бы так хотелось быть с тобой,

ХЕММИ

8 августа 1920 года

Грейс Куинлэн

(знакомая Э. Х. по Оук-Парку.— В. П.)

Бойн-Сити, Мичиган

Дражайшая Ги,

мы были на Черной реке и вернулись в Хортон-Бей (поселок в шт. Мичиган.— В. П.) только вчера, и твое письмо уже пришло... Чудесно ночевать в лесу, завернувшись в одеяла возле тлеющих углей погасшего костра, и, когда все уснули, смотреть на луну и думать, думать обо всем. В Сицилии считается опасным спать, если луна смотрит в лицо. Можно стать лунатиком. Помешанным. Должно быть, именно так случилось со мной.

Теперь о том, как меня выгнали из дому. Урсула и Санни (младшие сестры Э. Х. ... — К. Бейкер), дочь миссис Лумис и гостившая у нее подруга, задумали полуночный ужин. Они потащили с собой и меня с Брамми (Теодор Брамбэк, журналист, друг Э. Х. по Италии. — В. П.). Нам и идти-то не хотелось... Вернулись мы в три часа утра... Миссис Лумис хватилась девушек и, разъяренная, явилась к нам и устроила скандал, и обвинила меня и Брамми в том, что мы затеяли эту пирушку бог знает в каких целях!.. Итак, наутро меня и Брамми выгнали из дому, не позволив даже объясниться!

Мамаша обрадовалась случаю избавиться от меня, поскольку имела на меня зуб с тех самых пор, как я не дал ей выбросить две или три тысячи на постройку коттеджа для нее, когда отцу предстояло отправить сестер в колледж. Впрочем, это другая история. В семье не без уроды. Возможно, у Куинлэнов их нет, но у Хемингуэев предостаточно... Полно скандальных историй, которые мы скрывали от соседей. А тут еще и эта.

Ну, не смешной ли повод выставить человека? Получил из дома три или четыре письма, но даже не открыл их... Мне так противно, что по крайней мере год я не хочу иметь с ними ничего общего.

Брамми тянет меня в Италию, а мне хотелось бы поработать эту зиму. Джекки также намерен поработать, и весной мы, возможно, купим машину, а летом проедем по стране...

Но мысли об Италии волнуют кровь и не дают заниматься чем-либо еще. Понимаешь, мне чертовски нравится работать в газете и писать...

Но все в руках господних. Я за то, чтобы следующую зиму поработать в Нью-Йорке. Но меня также манит дальняя дорога, и морские просторы, и старенький грузовой пароход, уходящий за горизонт.

И мне нравится просыпаться утром в незнакомых портах. Вдыхать новые восхитительные запахи. Слышать чужестранную речь и шум перемещающихся в трюме грузов.

Нравятся диковинные истории и старые друзья в далеких странах. И жаркие ночи на палубе, когда спишь в одной пижаме.

И холодные ночи, когда за кормой ревет ветер и волны разбиваются о толстые стекла иллюминаторов, и ты идешь по палубе под порывами ветра, и нужно кричать, чтобы тебя услышали.

Нравится лежать, уткнувшись подбородком в траву на краю обрыва, и смотреть на море. И еще много всякого такого, Ги.

В любом случае, никто другой не пишет тебе таких дьявольски безумных писем, как я...

...Пожалуйста, пиши...

С любовью (всей, что есть)
ХЕМ

3 декабря 1921 года

Шервуду и Теннесси Андерсон
Париж

Дорогие Шервуд и Теннесси.

Вот мы и на месте. И сидим на террасе кафе «Дом» напротив «Ротонды», где заново клеют обои, греемся у железной печурки, которую топят древесным углем, и на улице чертовски холодно, а от печурки так тепло, и мы пьем горячий ромовый пунш, и ром растекается по телу, точно дух святой.

И когда на парижские улицы опускается холодная ночь, мы возвращаемся домой по Рю Бонапарт и думаем о том, как волки пробирались в город, и о Франсуа Вийоне, и о виселицах на Монфоконе. Что за город!

Боунс (Хэдли Ричардсон, первая жена Э. Х. — В. П.) сейчас в городе, а я зарабатывал на хлеб на пишущей машинке. Через пару дней мы окончательно устроимся, и я разошлю рекомендательные письма, словно корабли. Я не сделал этого до сих пор, потому что день и ночь мы, держась за руки, бродили по городу, заглядывая во дворы и останавливаясь у витрин маленьких магазинчиков. Боюсь, сладости погубят Боунс. Она ужасная охотница до них. Должно быть, раньше бедняжке приходилось сдерживать свои сокровенные желания...

...Мы приехали сюда через Испанию и чуть-чуть, всего на день, успели захватить настоящей шторм. Побережье Испании нужно видеть. Большие бурые горы, похожие на припавших к воде усталых динозавров. Чайки следуют за кораблем, повиснув в воздухе, точно управляемые невидимыми проводками бутафорские птицы. Маяк словно крохотная свечка на плече динозавра. Испанский берег бесконечный, бурый и кажется очень древним.

Потом мы ехали поездом через Нормандию с ее деревеньками, дымящимися штабелями навоза, вытянутыми полями и лесами с опавшими листьями и деревьями с обрезанными в нижней части стволов ветвями, и башнями на гребнях холмов. Темные станции и туннели, и купе третьего класса, набитые молоденькими солдатами, где в конце концов все засыпают, прислонившись друг к другу и покачиваясь в такт поезду. Вокруг мертвая, усталая тишина, какая бывает лишь в купе поезда под конец утомительного путешествия.

Как бы там ни было, но мы ужасно рады быть здесь и надеемся, что вы хорошо встретите рождество и Новый год, и хотелось бы отправиться вместе с вами поужинать сегодня вечером.

ЭРНЕСТ

17 июля 1923 года

Уильяму Хорну³
Париж

Билл, старина,

...я написал тебе семь страниц о нашей поездке в Скио... на места бывших боев. И ради бога, Хорни, никогда не возвращайся туда ни при каких обстоятельствах, потому что прошлое мертво. И Италия мертва, и я порвал письмо. Оно было слишком грустным, и тебе совсем не обязательно переживать то, что пережил я.

Хорни, нужно забыть обо всем. Нельзя постоянно возвращаться к прошлому или «щекотать себе нервы», пытаюсь увидеть вещи такими, какими они были когда-то. Прошлое осталось в нашей памяти, и только там, прекрасным и удивительным, и нужно жить дальше... Однако я вовсе не собираюсь поучать.

Как был там ни было, Хэдли и я... приехали в Аосту из Швейцарии и первый день ночевали в монастыре на высоте около двух тысяч метров. Из Аосты мы добрались до Милана, оттуда в Виченце, потом автобусом в Скио — Себио по другую сторону горы, пост Доломите теперь гостиница для туристов — и в «то бишь как его» — маленький симпатичный городок, который итальянцы не обстреливали, если австрийцы не обстреливали Себио. Затем мы поехали в Тренто и оттуда на машине через Адамелло в Риву и вдоль озера Гарда в Сермионе-очаровательное выступающее мысом в озеро местечко, которое видно из Дезенцано — станция, где мы видели чехов, помнишь? Дальше на машине в Верону и поездом в Местре — видел дом, где разводят шелковичных червей и где я нашел моего рогоносца, когда он, лежа на носилках в исподнем, слушал, как жуют шелковичные черви⁴. Фоссальта — совершенно новый, отвратительный город, в котором ничто не напоминает о войне, разве что шрамы на деревьях, да и те зарастают и заживают. От старых окопов не осталось и следа. Разрушенные дома заново отстроены и заселены людьми, отсиживавшимися в Сицилии или Неаполе. Я нашел то место, где был ранен, — гладкий зеленый берег реки — напоминает современные картины битвы под Геттисбергом⁵. Пьяве прозрачная и голубая, и вверх по ее течению, туда, где был траверс, тянули на лошадях большую груженную цементом баржу.

Ну, да ладно. В Милане я видел Муссолини, и взял у него интервью, и написал три статьи, в которых предсказал захват власти фашистами.

Мы вернулись в Париж, и полетели в Страсбург, и бродили по Черному лесу, и ловили форель, и останавливались в маленьких гостиницах, и любили друг друга... Снова вернулись в Париж, и я получил телеграмму из «Стар» с просьбой выехать в Константино-

поль, и, приехав туда, прошел вместе с отступающей греческой армией, и провел три недели в самом Константинополе — три восхитительные недели, когда в предрассветной мгле мы садились в машину и ехали к Босфору посмотреть на восход солнца, протрезвиться и поразмыслить над тем, будет ли еще одна война, которая снова повергнет в огонь весь мир — и ведь она чуть было не началась. Возвращаясь домой, я пересек Фракию — в машине, верхом на лошади и просто пешком, а затем через Болгарию и Сербию добрался до Триеста и оттуда на поезде в Париж к Хэдли... А потом мне пришлось отправиться в Лозанну на конференцию. В Лозанне я оставался до рождества, и мы ездили в горы, и жили в маленьком коричневом швейцарском шале, и катались на лыжах и бобслее, и вечерами пили горячий пушш, и дни стояли ясные и холодные, и было полно снегу. После этого я уехал в Рапалло, и снова телеграмма, и я отбыл в Рур⁶...

Должно быть, ты устал от моего рассказа. Но я старался раскрыть тебе все «секретные» сведения и разрушить образцово-показательное представление о себе.

18 июля 1923 г.

*Уильяму Д. Хорну
Париж*

Дорогой рогиносец,

итак, ты снова влюблен. Что ж, это — единственное стоящее занятие. Неважно, чем может обернуться любовь, но пока ты любишь, игра точно стоит свеч. Черт побери, Хорни, я надеюсь, все закончится хорошо. Кто-то, а ты этого заслуживаешь...

Испания чертовски хороша в жару. Я ездил туда два месяца назад изучать бой быков, и жил в Мадриде на Кайе Сан-Херонимо в пансионе для матадоров, а потом разъезжал по всей стране с группой тореадоров — Севилья, Ронда, Гранада, Толедо, Аранхуэс — и старался все понять. Вернулся, забрал Хэдли, и мы отправились в Памплону — столицу Наварры, и только что возвратились домой после лучшей недели в моей жизни со времен «Подразделения». (Хемингуэй имеет в виду 4-е Подразделение Красного креста, в составе которого он служил в Италии. — К. Бейкер.)

Праздество в Памплоне — пять дней бои быков и танцы днем и ночью, чудесная музыка — барабаны, свирели, флейты, лица с картин Веласкеса, Гойи, Греко, все мужчины в синих рубашках и красных платках кружат, взмывают, парят в танце.

Мы единственные иностранцы на этой дьявольской феерии. Каждое утро быков, которым предстоит драться после полудня, выпускают из корраля на окраине города, и они мчатся по длинной главной улице к арене, и все молодые смельчаки Памплоны бегут впереди! Нужно пробежать полторы мили — боковые улочки отгорожены большими деревянными воротами, и вся эта преследуемая быками ватага несется очертя голову.

Ей-богу, в этом городе настоящие бои быков. Здесь собрались восемь лучших тореро Испании, и пятеро из них были пронзены рогами! Быки поднимали на рога по одному тореро в день.

Ты был бы в восторге от настоящего боя быков, Билл. Это не просто жестокость, как нам рассказывали. Это великая трагедия, и самое прекрасное зрелище из тех, что мне доводилось видеть, и требует мужества и мастерства, и еще раз мужества — большего, чем что-либо. Это все равно, что наблюдать войну, сидя в первом ряду, и в то же время самому находиться в полной безопасности. Я видел двадцать боев, пять из них в Памплоне, и был в диком восторге.

Где-то в октябре у нас появится малыш. Надеемся, мальчик, и ты будешь его крестным отцом. Первые месяцы своей жизни он провел на лыжах, один раз видел на ринге Колотушку Сики, дважды Карпентьера и пять раз бой быков, так что, если внутриутробное влияние не пустые слова, то все должно быть в порядке. Нам обоим ужасно хочется парня. Хэдли все время чувствовала себя хорошо, ее даже ни разу не тошнило. Так здорово она себя никогда не чувствовала и выглядит прекрасно. Билл, доктор говорит, все идет хорошо, просто замечательно.

ЭРНЕСТ

11 октября 1923 года

*Гергруде Стайн и Алисе Токлас
Торонто*

Дорогие друзья,

свободное время за пишущей машинкой в редакции — миф. У меня не было никакого свободного времени, ни на что. Вчера в два часа ночи родился молодой Джон ⁷. Все в порядке. Мне говорили, он славный, но лично я нахожу в нем поразительное сходство с испанским королем...

Я был очень занят... На прошлой неделе ездил в Нью-Йорк для встреч с Ллойд Джорджем. Проехал с ним на специальном поезде от

Нью-Йорка до Канады. Когда родился малыш, я был в поезде, идущем в Торонто. Ллойд Джордж — вздорный, злой, вредный субъект, который тщательно старается скрыть это от посторонних. Эти длинные волосы неспроста. Вечером он отменяет все назначенные на следующий день встречи, а утром проснувшись бодрячком, распекает за это секретаря. Мне доводилось видеть его без прикрас. Он хочет устроить брак своей дочери и надеется навязать себя Европе с этой стороны Атлантики. В Штатах его принимали с помпой, но канадцы, читающие английскую прессу, остались более сдержанными. Я рад избавиться от него.

Здесь все как в кошмарном сне. Работаю от двенадцати до девятнадцати часов в сутки и к ночи так устаю, что не могу спать. Вернуться сюда было большой ошибкой. Правда, у нас просторная квартира с солнечной стороны на краю оврага, где кончается город, с чудесным видом и холмами, где вы можете, вернее, я могу, кататься на лыжах, если есть снег и свободное время. Хэдли и малышу здесь хорошо, и мы можем скопить немного денег, чтобы вернуться в Париж...

...Нас обоих ужасно тянет назад. Впервые в жизни я понял, как кончают самоубийством просто потому, что накапливается слишком много проблем и дел и им не видно конца. Малополезное открытие. За четыре дня в Нью-Йорке я не смог связаться ни с Шервудом (Андерсоном. — В. П.), ни с кем-либо другим, кого хотел повидать, — был занят. Нью-Йорк очень красив, особенно в районе Бродвея и Уолл-стрит, куда вообще не проникает солнечный свет, только случайные лучи. Но что за люди там живут. За все время я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь улыбнулся. Перед биржей какой-то человек рисовал на тротуаре желтым и красным мелом, выкрикивая: «И послал он туда своего единственного сына. И послал он единственного сына умереть на виселице...»

Собравшаяся вокруг толпа молча слушала. Бизнесмены, клерки, рассыльные. «Досталось парню», — сказал мальчишка-рассыльный, обращаясь к приятелю. Превосходно. Есть действительно красивые здания. Новые. Любопытные формы. Через триста лет люди будут приезжать сюда из Европы и ездить по улицам в туристских автобусах. Мертвые, заброшенные громады, как в Египте...

Ни за что не согласился бы жить там. Пора ехать в больницу, так что закругляюсь.

С любовью от Хэдли и меня

ХЕМИНГУЭИ

20 марта 1925 года

Д-ру К. Э. Хемингуэю
Париж

Дорогой папа,

я не посылал тебе свои работы только потому, что ты или мама вернули мне «В наше время», и мне показалось, вас мои книги не очень-то интересуют.

Поймите, во всех своих рассказах я пытаюсь передать ощущение настоящей жизни — не просто описывать или критиковать жизнь, а перенести ее на бумагу. Так, чтобы, прочитав мой рассказ, вы действительно пережили все сами. Это невозможно, если писать только о прекрасном, опуская плохое и уродливое. Когда все прекрасно, то в это невозможно поверить. В жизни иначе. И только показав обе стороны — три измерения, а если удастся, то даже четыре,— можно писать так, как хотелось бы мне.

Вот почему, если что-то из моих вещей вам не понравится, помните, что я хотел остаться правдивым до конца и пытался создать нечто стоящее. Если я написал о чем-то уродливом и тебе или маме это кажется ужасным, то следующий рассказ может понравиться вам чрезвычайно.

С любовью и пожеланиями успеха,

ЭРНИ

24 ноября 1926 года

Ф. Скотту Фицджеральду
Париж

Дорогой Скотт,

как дела и как ты жил-был все это время? Работал ли и как продвигается роман? Готов поспорить, что роман, коль скоро ты за него наконец взялся, удастся на славу, а последнее время в Хуан лес Пинс у тебя было вдоволь времени для работы.

Я тоже здорово потрудился: продал рассказ «Скрибнерсу»⁸, два пишу, и отправил им еще один, который они, несомненно, купят — чертовски хороший рассказ о Милане во время войны, и только что закончил еще более удачный рассказ, который теперь же должен перепечатать. Два законченных рассказа вряд ли купят, так что я их пока попридержу — они хорошо войдут в сборник.

...Судя по объявлению в «Уорлд», «И восходит солнце» переиздается... Рецензии были хорошими, хотя критики, похоже, разошлись во

мнении, кому я больше подражаю — тебе или Арлану⁹, так что я вам обоим очень признателен, особенно тебе, Скотт, ведь я тебя люблю, с Арлана даже не знаю... Я попрошу «Скрибнерс», чтобы, начиная с восьмого издания, они ставили подзаголовок:

«И восходит солнце»

Еще более великий Гэтсби

(Написано в содружестве с Ф. Скоттом Фицджеральдом — пророком века джаза.)

Как бы мне хотелось тебя повидать. Ты единственный малый во всей Европе и за ее пределами, о котором я могу сказать так много доброго (и наоборот), но одно точно — я хочу тебя видеть... И все же, черт побери, как ты там.

Что касается личной жизни известного писателя (известного кому?), то Хэдли разводится со мной. Я передал ей все имеющиеся деньги, а также все полученные и предстоящие гонорары за «Солнце...».

...Ем раз в день и, если очень устаю, сплю — последнее время работал как проклятый — и вообще начинаю жизнь беднее, чем я помню себя с тех пор, как мне стукнуло четырнадцать. Моя покупательная способность зависит от того, сколько рассказов покупает «Скрибнерс». Не правда ли, интересно? Вообще жизнь у всех катится в тартарары, и тем не менее я вполне здоров и даже снова могу работать...

Как бы там ни было, я вошел в колею, и выбить из нее меня могут только чрезвычайные обстоятельства, которые, надеюсь, не возникнут. Я обошелся без включения газа или вскрытия вен стерилизованной безопасной бритвой. Продолжаю жить в присущей мне манере сукина сына *sans peur et sans reproche!* (без страха и упрека.— фр.).

Напиши мне и поведай все сплетни. Что слышно из Нью-Йорка? Где ты намерен жить? Как Зельда и Скотти? (жена и дочь Фицджеральда.— В. П.) Бамби и Хэдли чувствуют себя просто здорово. Пока Хэдли была в отъезде, Бамби провел со мной десять дней, и как-то утром мы пошли в кафе, я взял ему мороженое и купил новую губную гармонiku, и он, держа ее и уплетая мороженое, сказал: «*La vie est beau avec rара*» (жизнь прекрасна с папой.— фр.). В ответном письме Фицджеральд написал: «Мы согласны с Бамби».— К. Бейкер). Он очень любит меня, и когда я спрашиваю его, что делает папа, надеясь услышать, что папа великий писатель, как это следует из газетных вырезок, он отвечает: «Папа ничего не делает». Тогда я научил его говорить: «Бамби будет содержать папу», и он повторяет это без конца. Что будет делать Бамби? Бамби будет содержать рара en Espagne avec les taureaux (папу в Испании вместе с быками.— фр.).

Всем вам моя любовь.

ЭРНЕСТ

5 февраля 1927 года

Грейс Холл Хемингуэй
Гстаад, Швейцария

Дорогая мама,

большое спасибо за каталог выставки с репродукцией твоей картины «Кузница». Картина мне понравилась, и я бы с радостью посмотрел на оригинал.

Я не ответил на твое письмо о романе «И восходит солнце», потому что я не мог не рассердиться, а писать сердитые письма, в особенности собственной матери, чрезвычайно глупо. Совершенно естественно, что книга тебе не понравилась, и мне жаль, что ты читаешь книги, вызывающие у тебя боль и отвращение.

И все же я нисколько не стыжусь своей книги — разве что мне не удалось точно изобразить тех, о ком я писал, или добиться, чтобы читатель живо представил их себе. Книга, конечно, малоприятная. Но она наверняка приятнее оборотной стороны жизни некоторых лучших семей нашего Оук-Парка. Пожалуйста, помни, что в такой книге напоказ выставляются худшее в жизни людей, тогда как у нас дома есть две стороны — одна показная, а другая вроде той, которую я имел удовольствие наблюдать за закрытыми дверями. Кроме того, как художник, ты знаешь, что писатель волен сам выбирать себе тему и критиковать его следует лишь за то, как он сумел ее раскрыть. Люди, о которых я писал, несомненно выжаты, опустошены, раздавлены жизнью, именно таковыми я и хотел показать их... На моем веку у меня еще хватит времени написать книги и на другие темы, но и они всегда будут о людях.

И если добропорядочные дамы из клуба любителей книги, руководимого мисс Фэнни Бутчер (амер. журналистка. — В. П.), которая, кстати, не лучший судья (мне было бы неловко, похвали она мою книгу), единодушно считают, что я prostitute большой талант и т. д. бог знает в каких целях, то это значит, что добропорядочные дамы судят о том, чего не понимают, и говорят глупости.

Что касается Хэдли, Бамби и меня, хотя Хэдли и я уже некоторое время не живем под одной крышей (мы разошлись еще в сентябре прошлого года, и, должно быть, Хэдли уже развелась со мной), мы остались самыми хорошими друзьями. Она и Бамби живут хорошо, здоровы и счастливы, и все доходы и гонорары из Америки и Англии за книгу «И восходит солнце» поступают, по моему распоряжению, непосредственно Хэдли... Я не взял себе из гонорара ни одного цента... не пью ничего, кроме вина или пива, как обычно за обедом, веду монашеский образ жизни и стараюсь писать как можно лучше. У нас с тобой разное представление о том, что значит писать хорошо — это принципиальное расхождение, — но ты обманываешься, позволяя

разным фэнни бутчерам толковать тебе о том, что я склонен к сенсационности и т. д. и т. п. Я получаю письма из «Вэнити фэйр», «Космополитен» и других журналов с просьбой написать для них рассказ, статью или роман с продолжением, но полгода или год я ничего не печатаю (не считая нескольких рассказов, проданных «Скрибнерсу», и одной забавной статьи), потому что сейчас у меня решающий период и куда важнее работать спокойно, стараясь писать как можно лучше, не думая ни о конъюнктуре, ни о том, что мне это дает, ни даже о том, будет ли это напечатано, чем угодить в капкан накопительства, перемалывающий американских писателей почище той машины для очистки кукурузных початков, что оттапала большой палец моему выдающемуся дядюшке...

ЭРНИ

14 сентября 1927 года

*Д-ру К. Э. Хемингуэю
Андей, Франция*

Дорогой папа,

ты представить себе не можешь, как мне скверно оттого, что я доставил вам с мамой столько стыда и переживаний, но я не мог написать о моих неприятностях с Хэдли, даже если мне следовало это сделать. Письмо через океан идет по крайней мере две недели, и мне не хотелось доверять бумаге все те адские муки, через которые мне пришлось пройти. Я люблю Хэдли и я люблю Бамби. Мы с Хэдли разошлись, и я не бросал ее и ни с кем ей не изменял.

Я жил с Бамби, присматривал за ним, пока Хэдли была в отъезде, и, вернувшись из поездки, она решила, что определенно хочет развестись. Мы уладили все, и обошлось без скандала и срама. Отношения наши осложнились давно. Во всем виноват я, и никого это не касается.

Тебе посчастливилось любить всю жизнь только одну женщину. Я целый год любил двоих и оставался верен Хэдли... Ты пишешь о «похитителях сердец», «людях, которые разбивают очаг» и т. д., и ты понимаешь, что я слишком горяч, но я понимаю, как просто проклинать людей, когда ничего о них не знаешь. Я видел, страдал и пережил достаточно, поэтому не берусь никого проклинать. Пишу только ради того, чтобы ты не мучался мыслями о стыде и позоре.

Я никогда не перестану любить Хэдли и Бамби и всегда буду заботиться о них. Так же я никогда не перестану любить Полин Пфейфер, на которой женился. Теперь у меня есть обязательства по отношению к трем людям вместо одного. Пожалуйста, пойми меня и знай, что писать об этом также нелегко.

Я точно уверен, что мои произведения не опозорят тебя, скорее, в один прекрасный день ты будешь ими гордиться. Но все сразу не получается. Верю, что когда-нибудь тебе не придется стыдиться и за мою жизнь. Для этого тоже требуется время.

Насколько счастливее были бы мы-оба, если бы ты верил в меня. Кто спросит обо мне, скажи, что Эрн ничего не сообщает о своей личной жизни, даже где он находится, и только пишет, что много работает. Не стоит чувствовать себя ответственным за мои произведения или поступки. Я все беру на себя, сам делаю ошибки и несу наказание.

Ты мог бы, если б захотел, гордиться мною иногда — не поступками (я не очень преуспел в добрых делах), а моей работой. Для меня работа важнее всего на свете, за исключением счастья троих людей, и ты не представляешь, как я сочувствую маме, которая переживает за то, что всем нам хорошо известно — на небесах есть бог и мы должны быть перед ним чисты.

С любовью, твой
ЭРНИ

15 сентября 1927 года

*Ф. Скотту Фицджеральду
Андей, Франция*

Дорогой Скотт,

получил твой чек и, как подобает сукину сыну, тут же превратил его в наличные, и при этом ничего не пишу да и не писал. Впрочем, все это ты можешь узнать, заглянув в свой банковский счет. Правда, сие не означает, что я уподобился Бену Хечу, или Максвеллу Боденгейму, или одному из тех писак, которые полагают, что раз они пишут книги, то это дает им право быть нечистыми на руку, и т. д., ведь я все-таки пишу и непременно верну тебе эту сотню сразу же после выхода очередного монументального произведения под названием «Мужчины без женщин». Будем надеяться, это произойдет не позднее октября.

Как поживаешь ты, черт побери? Как тебе нравится название — «Мужчины без женщин»? Я не мог ничего придумать, Фиц, может, поищешь в Екклесиасте, хотя я уже пробовал. Перкинс (Максуэлл Перкинс, редактор издательства «Скрибнерс». — В. П.), возможно, ты его знаешь, требует названия для книги. Станный малый, этот Перкинс, что за причуда! Хочет, видите ли, название. Удивительно, но это так.

Я в то время был в Гстааде (Швейцария) и тут же отправился по книжным лавкам в поисках библии, из которой хотел позаимствовать

название. Но сукины дети не могли предложить мне ничего, кроме вырезанных из дерева небольших коричневых медведей. Так что я уже подумывал, не назвать ли мне книгу «Маленький резной деревянный медведь» и посмотреть, как истолкуют это критики.

К счастью, в городке нашелся один англиканский священник, который уезжал на следующий день, и Полин одолжила у него библию, полученную им при посвящении в духовный сан, пообещав вернуть ее в тот же вечер. И что же, Фиц, я посмотрел всю библию — она была прекрасно издана — и, наткнувшись на великую книгу Екклесиаст, стал читать ее вслух всем желающим послушать. Вскоре я остался один и поносил проклятую библию за то, что в ней не нашлось для меня названия, впрочем, теперь я знаю, откуда берутся все хорошие заголовки. Другие парни, главным образом Киплинг, уже порылись здесь до меня и выудили все стоящее. И так я назвал книгу «Мужчины без женщин» в надежде, что она быстро разойдется среди гомосексуалистов и старых дев.

Если этот абзац кажется тебе скучноватым, вернись к первому, где я пообещал отдать тебе сто долларов. В нем золотые слова, Фиц.

Я же, Фиц, познал, как здорово прослыть самым прижимистым человеком на свете, а все потому, что сохранил целехоньким и не спустил гонорар за «И восходит солнце» и целых пять месяцев жил на твою сотню да еще на 750 долларов, полученные от Максуэлла Перкинса, и при этом отказался от предложенных Херстом кругленьких сумм, включая 1000 долларов в качестве аванса за контракт на 10 рассказов — по 1000 за первые пять, по 1250 за вторые пять и 15000 за роман в нескольких частях. Непосвященный, конечно, решил бы, что с моей стороны было бы куда лучше взять тысячу у Херста, чем сто у Фицджеральда, и я с ним полностью согласен. Беда только в том, что я не могу, совершенно не могу писать по заказу.

Получил вопросник из «Кто есть кто», но жизнь моя была такой запутанной, что я смог ответить лишь на два вопроса, да и то сомневался, не будут ли они использованы против меня.

Пожалуйста, пиши... Хотелось бы повидаться и поговорить.

Твой ЭРНЕСТ

9 октября 1928 года

Скотту Фицджеральду
Пигготт

Дорогой Фиц,

Максуэлл Перкинс в письме выдал мне небольшой секрет, что ты работаешь по восемь часов в день, — Джойс¹⁰, по-моему, работал по

двенадцать. Он даже пытался сравнивать, сколько времени уходит у вас, великих писателей, на завершение работы.

Что ж, Фиц, слов нет, ты трудяга. Мне лично стоит поработать больше двух часов, и я совершенно выдыхаюсь. Чуть больше двух часов работы — и начинаю выдавать халтуру, а тут, пожалуйста, старина Фиц, которого я некогда знал, работает по восемь часов в день. Как это у тебя получается, старина? Поделись секретом трудолюбия. С нетерпением жду возможности взглянуть на результат. Неужели и у тебя получится то же, что и у другого великого трудяги, Джойса? Начни я писать вздор, и, должно быть, тоже смог бы работать по десять, двенадцать часов в день и был бы совершенно счастлив, как Гертруда Стайн, которая уже лет восемнадцать кряду пишет вздор и всегда предельно довольна своей работой...

Пат (Патрик — второй сын Хемингуэя. — В. П.) за три месяца удвоил свой вес — крепыш, никогда не плачет, только смеется, ночами спит. Подумываю, не дать ли в газете рекламу: «Если Ваш ребенок слаб здоровьем, рахитичен или почему-либо Вам не нравится, обращайтесь к Э. Хемингуэю (далее фото отпрысков — все от разных матерей). Может быть, он поможет Вам. Мистер Хемингуэй понимает Вас. Он автор рассказа «Мистер и миссис Эллиот» (рассказ о бездетной паре. — В. П.)... У мистера Хемингуэя проблема другого рода. Мистеру Хемингуэю нужно воздерживаться от производства детей... Он решил поделиться своим даром со всеми Вами. Оторвите прилагаемый купон и пошлите его в простом почтовом конверте мистеру Хемингуэю, и Вы получите его брошюру «Первоклассные дети для всех».

Не перепутайте мистера Хемингуэя с мистером Фицджеральдом. Правда, мистер Фицджеральд отец роскошной малышки, говорящей с восхитительным английским акцентом (этого мистер Хемингуэй не может гарантировать своим клиентам). Но мистер Фицджеральд, говоря профессиональным языком, делает все в единственном экземпляре... Ни в коем случае не обращайтесь к мистеру Дос Пассосу. Он совершенно бесплоден... Правда, мистер Хемингуэй порой завидует мистеру Дос Пассосу, но это лишь подтверждает то, какая ценная находка для Вас мистер Хемингуэй...»

...Конечно, дорогой мой Фиц, ты понимаешь, что я не имею в виду ничего обидного... Хорошо бы нам пообщаться. Посплетничать вместе с дамами или устроить мальчишник.

Пиши мне в Пигготт (шт. Арканзас)

ЭРНЕСТ

18 ноября 1928 года

Скотти и Зельде Фицджеральд
Сент-Луис

Дорогие Скотт и Зельда,

поезд взбрыкивает и бросает из стороны в сторону (слава богу, не кренится). Мы прекрасно провели время — вы оба были просто замечательны. Простите мое занудство. Я боялся опоздать на поезд, и мы приехали на вокзал слишком рано. Когда вас задержал фараон, я позвонил со станции и объяснил ему, что ты великий писатель, фараон был очень любезен. Он сказал, что ты тоже сказал ему, что я великий писатель, но что он ни об одном из нас ничего не слышал. Я быстро изложил ему сюжеты твоих наиболее известных рассказов. Он сказал — передаю дословно — «Похоже, он первоклассный малый». Вот как говорят фараоны. Вовсе не так, как в книжках Каллагана...¹¹

ЭРНЕСТ

13 сентября 1929 года

Скотту Фицджеральду
Андей, Франция

Дорогой Скотт,

отвратительное состояние депрессии, когда терзаешься, хорошо ли, плохо ли ты написал — это и есть то, что называется «награда художнику».

Бьюсь об заклад, все получилось дьявольски хорошо. И когда ты собираешь вокруг себя этих слезливых пьянчуг и начинаешь плакаться, что у тебя нет друзей, ради бога, внеси поправку. Если ты скажешь, что у тебя нет друзей, кроме Эрнеста — паршивого короля романов с продолжением, — то и этого будет достаточно, чтобы их разжалобить.

Ты не выдохся и знаешь еще предостаточно, и если тебе кажется, что запас твоих жизненных познаний иссякает, рассчитывай на старину Хема. Я расскажу тебе все, что знаю: кто с кем спал и кто раньше или позже женился — все, что тебе потребуется...

Летом неохотно работается. Нет ощущения приближающейся смерти, как это бывает осенью — вот когда мы беремся за перо. Пора

расцвета проходит у всех — но мы же не персики и это не значит, что мы гнием. Обстрелянное ружье делается только лучше, равно как и потертое седло, а уж люди тем более. Утрачивается свежесть и легкость, и кажется, что ты никогда не мог писать. Зато становись профессионалом и знаешь больше, и когда начинают бродить прежние соки, то в результате пишется еще лучше.

Посмотри, что получается на первых порах: творческий порыв, приятное возбуждение — писателю, а читателю ничего не передается. Позже творческий порыв иссякает, и нет того приятного возбуждения, но ты овладел мастерством и написанное в зрелом возрасте лучше, чем ранние вещи...

Просто нужно не отступать, даже когда совсем скверно и не ладится. Единственное, что остается, если взялся за роман — это во что бы то ни стало довести его, проклятого, до конца. Мне бы хотелось, чтобы ты в материальном отношении зависел от этого или других романов, а не от треклятых рассказов, потому что они опустошают тебя и в то же время служат отдушиной и оправданием — треклятые рассказы...

Черт возьми! У тебя больше материала, чем у кого-либо, и тебе это больше по душе, и, бога ради, не бросай, закончи роман и, пожалуйста, пока не закончишь, не берись ни за что другое...

Писать рассказы — вовсе не значит продаваться, просто это неразумно. Ты мог и по-прежнему можешь достаточно зарабатывать одними романами. Чертов ты дурак. Продолжай, пиши роман...

...Если письмо получилось занудным, то только потому, что меня ужасно расстроило твоё подавленное настроение, и я чертовски люблю тебя, а когда начинаешь рассуждать о работе или «жизни», то это всегда ужасно банально...

Полин шлет поцелуй тебе, Зельде и Скотти.

Всегда твой
ЭРНЕСТ

28 мая 1934 года

Скотту Фицджеральду
Ки-Уэст

Дорогой Скотт,

книга твоя и понравилась мне и нет («Ночь нежна»). Она начинается великолепным описанием Сары и Джеральда... А потом ты стал дурачиться, придумывать им историю, превращать их в других людей, а этого делать не следует, Скотт. Если ты берешь реально существующих людей и пишешь о них, то нельзя наделять их чужими родителями (они ведь дети своих родителей, что бы с ними после ни

случалось) и заставлять делать то, что им несвойственно... Вымысел — замечательнейшая штука, но нельзя выдумывать то, что не может произойти на самом деле...

...Кроме того, ты уже давно перестал прислушиваться к чему-либо за исключением ответов на твои собственные вопросы. В книге есть и лишние куски — хорошие, но лишние. Что иссушает писателя (все мы сохнем понемногу, я не хочу обидеть тебя лично), так это неумение слушать. Именно это источник наших знаний — умение видеть и слушать. Видишь ты хорошо, а вот слушать перестал.

Книга значительно лучше, чем я говорю, но ты мог бы написать еще лучше...

...Бога ради, пиши и не думай о том, что скажут, или о том, будет ли твоя вещь шедевром. У меня на девяносто одну страницу дерьма получается одна страница шедевра. Я стараюсь выбрасывать дерьмо в корзину для мусора. Ты печатаешь все, чтобы жить и давать жить. Дело твое, но если наряду с этим ты будешь писать в своей лучшей манере, то число шедевров пропорционально возрастет...¹²

Забудь о личном горе. Все мы обжигались поначалу, а ты, в особенности, прежде чем начать писать что-то серьезное, должен испытать настоящую душевную боль. Но, пережив эту треклятую боль, выжимай из нее все, что можешь, не играй с нею. Оставайся предан ей как исследователь, только не думай, что событие обретает значимость лишь оттого, что это случилось с тобой или с кем-то из твоих близких.

...На сей раз я не удивлюсь, если ты пошлешь меня... Как легко советовать другим, как писать, жить, умирать и т. д.

Хотелось бы повидаться с тобой и потолковать обо всем серьезно. При встрече в Нью-Йорке ты был таким занудой, что говорить о чем-либо было невозможно. Видишь ли, Бо, ты не трагический персонаж. Как, впрочем, и я. Мы всего лишь писатели и должны только писать. Ты же более чем кто-либо нуждаешься в дисциплине, чтобы работать, а вместо этого ты женишься на человеке, который ревнует тебя к работе, стремится соперничать с тобой и губит тебя. Все не так просто, и когда я впервые познакомился с Зельдой, то решил, что она сумасшедшая, и, влюбившись в нее, ты еще больше все усложнил, да к тому же ты выпивоха. Но ты не больше выпивоха, чем Джойс или другие хорошие писатели. Но, Скотт, хорошие писатели всегда возвращаются. Всегда. А ты сейчас в два раза лучше, чем в то время, когда ты мнил себя великолепным писателем. Знаешь, я никогда не считал «Гэтсби» шедевром. Теперь ты можешь писать в два раза лучше. Нужно только писать искренне и не заботиться о том, какая участь ждет твою работу.

Держись и пиши.

Всегда твой друг
ЭРНЕСТ

7 сентября 1935 года

Максуэллу Перкинсу
Ки-Уэст

Дорогой Макс,

рад был получить твое письмо и тотчас ответил бы, если бы не ураган, налетевший той же ночью. Нас он захватил только краешком. Мы ждали его к полночи, и я, отведя лодку в наиболее безопасное место, лег спать в десять, чтобы отдохнуть хоть пару часов. На стул рядом с кроватью я положил барометр и фонарь на случай, если погаснет электричество. К полуночи стрелка барометра упала до отметки 29.50, и налетевший шквальный ветер с дождем ломал деревья, срывал ветви и т. д. Машину залило водой, и я добрался до лодки пешком и оставался там до пяти часов утра, и, когда ветер стал дуть в западном направлении, мы поняли, что ураган ушел дальше на север и постепенно стихает. Весь последующий день сильный ветер не давал выходить на улицу, и связь с островами была прервана. Телефонные и телеграфные коммуникации снесло. Лодки еле выдержали. На следующий день мы отправились на остров Нижний Матекумбе и застали там ужасную картину. Должно быть, ты прочел об этом в газетах, но ты даже представить себе не можешь, что там творилось. От 700 до 1000 погибших. Многие не захоронены и по сей день. На расстоянии в 40 миль одни черные деревья без листьев, как после пожара, и земля напоминает высохшее русло реки. Все строения снесены. Более тридцати миль железнодорожного полотна смыто и унесено водой. Мы первыми прибыли на место пятого лагеря, где жили ветераны войны, работавшие на строительстве шоссе. Из 187 человек в живых осталось только 8. Здесь я видел больше трупов, чем за все эти годы со времени боев в низовьях реки Пьяве в июне 1918-го.

Ветеранов в этих лагерях практически убили. На станции Флорида Ист Коуст почти целые сутки стоял поезд, готовый вывести их с островов. Говорят, ответственные за ветеранов чиновники телеграфировали в Вашингтон. Вашингтон запросил службу погоды в Майами, которая якобы ответила, что никакой опасности нет и их эвакуация будет лишь бессмысленной тратой средств. Поезд стоял до тех пор, пока не началась буря. Он не отъехал и тридцати миль от двух нижних лагерей. Ответственные за ветеранов чиновники и служба погоды могут разделить ответственность поровну.

В чем я уверен и готов в этом поклясться, так это в том, что в то время, как буря бушевала на Матекумбе и большая часть людей уже погибла, служба погоды в Майами послала предварительное оповещение о штормовом ветре в районе от Ки-Ларго до Ки-Уэст и о сильном урагане во Флоридском проливе ниже Ки-Уэст. Они

совершенно потеряли ураган и, определяя направление его движения, не проявили даже элементарного здравого смысла...

Хотел бы я видеть здесь рядом со мной того сукина сына, который в целях саморекламы напечатал в газете, что, дескать, находился в Майами, потому что для книги, которую он пишет, ему нужно было взглянуть на ураган, а поскольку такового не ожидалось, он был очень разочарован.

Макс, ты не можешь себе представить двух женщин, совершенно голых, закинутых водой на деревья — распухшие, смердящие, облепленные мухами тела. Потом, прикинув, где расположено это место, ты догадываешься, что это те две хорошенькие девочки, которые держали закусочную и заправочную станцию в трех милях от переправы. Мы обнаружили шестьдесят девять трупов там, куда никто не мог пробраться. С островка Индиан-Ки все сметено начисто, ни одной травинки, и в центре, где местность повыше, разбросаны вынесенные морем живые раковины, раки, дохлые муруны. Кажется, будто все море обрушилось на этот островок. Хотелось бы мне взять того литературного недоноска, что жаждал взглянуть на ураган, и ткнуть его носом во все это. Гарри Гопкинс (советник президента США. — В. П.) и Рузвельт, отправившие сюда этих требовавших пособия бедняг, чтобы избавиться от них, сделали свое дело. Теперь они заявляют, что погибших надо похоронить на Арлингтонском кладбище (Арлингтонское национальное кладбище. — В. П.), а не сжигать или захоронить трупы на месте. Это значит перевезти разорванные на части, разлагающиеся, лопающиеся от одного лишь прикосновения, смердящие до тошноты тела на расстояние шести или восьми миль до корабля и дальше еще миль десять — двадцать на корабле, чтобы потом уложить все это в ящики и отправить в Арлингтон. В основном протесты против кремации и захоронения поступали от владельцев похоронных бюро в Майами, которым платят по 100 долларов за ветерана. Простые сосновые ящики, называемые гробами, идут по 50 долларов за штуку. Можно было бы засыпать тела негашеной известью прямо там, где их нашли, установив личность погибших по документам, поставить кресты, а позже раскопать кости и отправить морем.

Джо Лоуи, прототип одного из парней в моем романе, тоже утонул здесь.¹³

Я только что закончил чертовски хороший рассказ и приступил к другому, когда все это началось... В их распоряжении было целое воскресенье и понедельник, чтобы вывезти ветеранов, но никто пальцем не пошевелил. Если бы была принята хотя бы половина тех мер предосторожности, которые приняли мы, спасая лодки, не погиб бы ни один человек.

На душе так скверно, что не могу писать... Не пью ничего спиртного — должен все хорошенько запомнить, но будь я проклят,

если мне это нужно для романа. Мы сделали уже пять ездов с продовольствием для случайно уцелевших, но есть это некому — кругом одни мертвецы...

Удачи тебе, Макс.

Всегда твой,
ЭРНЕСТ

5 февраля 1937 года

*Гарри Силвестеру¹⁴
Ки-Уэст*

Дорогой Гарри,

война в Испании — скверная война... Меня больше всего заботит судьба простых людей, и, стремясь облегчить их страдания, я собираю средства на покупку санитарных машин и строительство госпиталей. У мятежников (франкистов.— В. П.) много хороших итальянских санитарных машин. Но убивать раненых в госпитале в Толедо с помощью ручных гранат или бомбить рабочие кварталы Мадрида без какой-либо военной необходимости, с единственной целью убивать простых людей — это не по-католически и не по-христиански... Я знаю: они (республиканцы.— В. П.) расстреливали попов и епископов, но почему же церковь вмешивается в политику на стороне угнетателей, вместо того, чтобы защищать простых людей или оставаться вне политики? Это не мое дело... но симпатии мои всегда на стороне эксплуатируемых рабочих, и я против лендлордов, даже если мне случается выпивать с ними и стрелять по глиняным летающим мишеням. Я бы с радостью перестрелял их самих...

С приветом,
ЭРНЕСТ

2 августа 1937 года

*М-с Пауле Пфейфер
(мать второй жены Хемингуэя.— В. П.)
Кет-Кей*

Дорогая мама,
...меньше чем через две недели я снова еду в Испанию, где, как вы знаете, независимо от того, формируются ли ваши политические

взгляды непосредственно или окольным путем, я сражаюсь не на той стороне и должен быть уничтожен со всеми прочими красными. После чего Гитлер и Муссолини могут пожаловать и Испанию и получить необходимые им полезные ископаемые и начать новую войну в Европе. Что ж, пожелаем им удачи, потому что она им очень понадобится. Меня уже мутит от подобной чепухи и всеобщего нежелания знать правду об этой войне, так что я в определенном смысле рад вернуться туда, где мне не нужно будет говорить об этом... Я снова начну работать для НАНА (Североамериканское газетное объединение), но если по какой-либо причине мне придется свернуть эту работу, то без дела я не останусь. Мы собрали деньги на двадцать санитарных машин, и сборы от фильма позволят купить еще пятьдесят или сто машин...¹⁵

...Дом в Пигготте мне больше по душе, чем Белый дом. М-с Рузвельт высоченного роста, обворожительная и совершенно глухая. Она, практически ничего не слышит, когда к ней обращаются, но так мила, что большинство людей этого просто не замечают. Президент по-гарвардски обаятелен, беспол, женственен и похож на огромную даму — министра труда. Вот так так, он полностью парализован ниже пояса, и требуется немало усилий, чтобы усадить его в кресло и перевозить из комнаты в комнату. В Белом доме очень жарко — кондиционер только в кабинете президента, а еда — хуже не бывает. (Это между нами. Гость не должен критиковать.) Нам подали суп на дождевой воде, резинового голубя, чудный салат из вялых овощей и присланный каким-то почитателем торт. Восторженный, но неумелый почитатель... Президента и м-с Рузвельт фильм «Испанская земля» очень взволновал, но оба сказали, что в нем маловато пропаганды.

Я рад был побывать и у них и в Голливуде и посмотреть Белый дом, но жить в нем мне бы не хотелось... Марта Геллхорн, устроившая нам приглашение на обед, перед вылетом в Вашингтон съела в аэропорту три сэндвича. Мы тогда решили, что она спятила... Просто ей частенько приходилось бывать в Белом доме. Во всяком случае, меня там больше не будет.

Дорогая мама, простите меня за то, что я возвращаюсь в Испанию. Все, что вы говорили о необходимости остаться и воспитывать мальчиков, очень правильно. Но когда я был там, я обещал вернуться, и, хотя всех обещаний сдержать невозможно, это я не могу нарушить. В противном случае, чему бы я мог научить моих мальчиков...

Вы всегда были такой примерной и в равной степени заботились как о земной, так и о потусторонней жизни... А я пока что утратил всякую веру в потустороннюю жизнь... С другой стороны, на этом этапе войны я абсолютно перестал бояться смерти и т. д. Мне казалось, что мир в такой опасности и есть столько крайне неотложных дел, что было бы просто очень эгоистично беспокоиться о чем-либо личном

будущем. После первых же двух недель в Мадриде у меня появилось такое безликое чувство, когда забываешь о том, что у тебя есть жена, дети, дом, катер... Без этого невозможно по-настоящему выполнять свои обязанности. А сейчас пробыл дома достаточно долго... и старые ценности снова вернулись, и теперь нужно опять научиться забыть о них. Так что не надо напоминать мне о том, как трудно им приходится. Я тоже имею об этом кое-какое представление. Впрочем, хватит...

Передайте наилучшие пожелания всему семейству в Пигготте...

ЭРНЕСТ

31 января 1938 года

*Хэдли Моурер¹⁶
Ки-Уэст*

Дорогая моя Хэдли,

...я вернулся сюда только позавчера, и за девять месяцев накопилось полно писем и прочих бумаг. Да еще ужасная ностальгия по Испании. Передай Полу, что я как-нибудь расскажу ему про Теруэль... Мэттьюсу и Делмеру (амер. журналисты, аккредитованные в Мадриде.— В. П.) отказали в разрешении ехать в Теруэль и мне пришлось поручиться за них... Первый репортаж о битве (за Теруэль.— В. П.) я отправил в «Нью-Йорк таймс» на десять часов раньше Мэттьюса, потом вернулся на фронт, участвовал в наступлении вместе с пехотой, вошел в город вслед за ротой саперов и тремя ротами пехоты, написал и об этом, вернулся и уже готов был отправить прекрасный репортаж об уличных боях, когда получил телеграмму от НАНА. Они сообщали, что им больше не нужны мои корреспонденции. Должно быть, это им слишком дорого обходилось. Итак, эти католики в редакции «Таймс» выбросили мой материал, вычеркнули мое имя из корреспонденций Мэттьюса, и прошлой ночью, лежа в постели, я прочел в газете о том, что Мэттьюс единственный из корреспондентов, кто действительно был в Теруэле. Но сначала «Таймс» вновь захватила город для Франко, сославшись на официальное сообщение из Саламанки¹⁷. Они отказались печатать мои корреспонденции, и НАНА телеграфировало мне, чтобы я прекратил работу. Ну что ж. Конечно, пора научиться кушать все это дерьмо, но я никак не могу привыкнуть к вкусу. Мэттьюс замечательный парень, и я рад, что смог оказаться полезным ему. Но когда три месяца ждешь события, которое должно произойти, а потом твою работу полностью саботируют... и лишь набрасываются на твою книгу, то подумываешь не сменить ли фамилию и не начать ли все сначала¹⁸.

Дорога домой очень утомила меня — все время штормовой ветер, и в такую погоду я сам привел сюда лодку из Майами. Слишком устал, чтобы писать. Пожалуйста, извини. В Мадриде написал пьесу («Пятая колонна»), которая тебе, должно быть, понравится. Не знаю, поставят ли ее когда-нибудь, но мне на это наплевать... Они (критики) уже не могут причинить мне такие неприятности, как раньше, когда я был молодым. Даже испугать меня им не под силу... Не обращай внимания на мое настроение. Завтра, возможно, опять буду чертовски жизнерадостным. Мистер Хемингуэй быстро оправляется от ударов. Извини за мрачное письмо... Прими мою любовь и передай наилучшие пожелания Полу. Я люблю вас обоих.

ЭРНЕСТ

26 марта 1938 года

*Джону Дос Пассосу¹⁹
Париж*

Дорогой Дос,

...я хочу поговорить с тобой о том, что мне кажется серьезным. В Испании по-прежнему идет война между народом, на стороне которого некогда был и ты, и фашистами. Если ты так невзлюбил коммунистов, что считаешь возможным денег ради нападать на народ, который до сих пор сражается, то, по-моему, ты должен по крайней мере не искажать факты. В статье, только что прочитанной мной в «Ред бук» (амер. журнал. — В. П.), ты не упоминаешь имени Густаво Дурана²⁰, хотя сделать это было бы правильно и справедливо. Но ты чувствуешь себя обязанным упомянуть Вальтера и называешь его русским генералом. Ты создаешь впечатление, что эта война ведется коммунистами, и называешь русского генерала, которого ты встретил.

Дело только в том, Дос, что Вальтер — поляк. Так же как Лукач — венгр, Петров — болгарин, Ганс — немец, Копик — югослав и т. д. Прости меня, Дос, но ты никогда не встречал ни одного русского генерала. Как я понимаю, единственная причина, по которой ты денег ради нападаешь на тех, на чьей стороне некогда был сам, — это нестерпимо-жгучее желание рассказать правду. Тогда почему же ты этого не делаешь? Конечно же, за десять дней или даже за три недели узнать правду невозможно... Когда люди читают серию твоих статей, публикуемых в течение полугода или более, они даже не представляют себе, как мало времени ты провел в Испании и как мало ты там увидел... Какого же черта? В Испании были хорошие русские, но ты их не знал, да сейчас их там и нет. Когда мы с Гербертом Мэттьюсом на

пятый день штурма вошли в Теруэль вслед за тремя ротами пехоты и ротой саперов, жители города приняли нас за русских. Я мог бы рассказать тебе немало забавных историй по этому поводу. Но за время всего штурма я видел только одного русского танкиста и одного болгарина — офицера-инструктора 43-й бригады. Мы атаковали силами карабинеров — это великолепные боевые части, и их политические убеждения не левее убеждений сенатора Картера Гласса ²¹. Да будет тебе известно, что не все люди трусы, большинство будет драться и не задумываясь умрет за спасение своей страны от захватчиков... а с твоей стороны, пытаться доказывать, что война, ведущаяся правительством против фашистского итальяно-немецко-марокканского вторжения, навязана народу коммунистами против его воли, в высшей степени нечистоплотно. Кто дрался во время нашей гражданской войны? А ведь у нас не было даже никаких захватчиков. Послушай, ведь на меня очень легко нападать, и, если у тебя чешутся руки на Испанию, набрасывайся лучше на меня. Правда, на том пути, что ты выбрал, тебе это вряд ли поможет...

Итак, я заканчиваю письмо. Если ты когда-нибудь заработаешь деньги и захочешь отдать мне долг (не те деньги, что дал дядя Гас Пфейфер, когда ты болел, а те небольшие суммы, что ты брал потом), то почему бы тебе не вернуть мне тридцать долларов, коль скоро ты получишь триста или черт его знает сколько еще? А может быть, мне не отправлять письмо? Потому что мы старые друзья? Ох уж эти старые добрые друзья. Готовые всадить тебе нож в спину за четверть доллара. Все прочие берут за это пятьдесят центов.

До свидания, Дос. Надеюсь, ты будешь счастлив. Думаю, ты-то будешь. Должно быть, у тебя первоклассная жизнь. Когда-то и я был счастлив. И буду снова. Добрые старые друзья. Всегда был счастлив со старыми добрыми друзьями. Прирежут за десятицентовик... Достопочтенный Джек Пассос трижды всадит тебе нож в спину за пятнадцать центов, а «Джованецца» (гимн итальянских фашистов.— В. П.) споет бесплатно. Спасибо, друг. Вот так так! Ощущение хоть куда. Есть еще старые друзья? Уберите его, док, он весь изрезан. Скажите в редакции, чтобы мистеру Пассосу выписали чек на 250 долларов. Спасибо, мистер Пассос, чистая была работа. Заходите в любое время. Для тех, кто думает так, как вы, всегда найдется работенка.

Остаюсь твой,
ЭРНЕСТ

5 мая 1938 года

Максуэллу Перкинсу
Марсель

Дорогой Макс...

...последние шесть недель были дьявольскими. Мы страшно побили итальянцев на Эбро — это чуть выше Тортосы, рядом с местечком под названием Черта. Окончательно их остановили. Правда, левый фланг сдал — под Сан-Матео, — и в конце концов мы вынуждены были отдать им то, что сами они никогда бы не взяли. Но до поражения далеко, и мы прочно удерживаем позиции по реке Эбро. Я расскажу тебе про тот берег, когда вернусь. Теперь просто невозможно заслужить авторитет, если ты хотя бы раз не переплыл Эбро. Жаль, тебя не было с нами в страстную пятницу, когда сукины сыны перерезали дорогу на Валенсию. Я написал об этом отличный репортаж...

...Сегодня первый день отдыха с тех пор, как я уехал из США, и мне хотелось бы не вылезать из постели неделю и все время есть и спать, и читать газеты, и пить виски с содовой, и немного любви, и повторять все сначала как бесконечную буддийскую молитву. Прости, если отправленное с парохода письмо было немного мрачноватым. Право же, я перестаю быть мрачным, когда доходит до дела и можно все увидеть и понять. Вдали от фронта все кажется значительно мрачнее...

Отступление под Монсом (Бельгия) мелочь в сравнении с последним боем. Нет, правда, когда все кончится, мне с лихвой будет о чем писать. Стараюсь запомнить побольше и не растратиться в корреспонденциях.

Как только все кончится, я засяду и стану писать, и мошенники и фальсификаторы — вроде Андре Мадьяро,²² которые вышли из игры в феврале 37-го, дабы написать объемистые шедевры задолго до того, как все началось, — получают хороший урок, когда я напишу обычного размера книгу и расскажу, как это было на самом деле...

Всегда твой
ЭРНЕСТ

6 февраля 1939 года

Миссис Пауле Пфейфер
Ки-Уэст

Дорогая мама,

...итальянцы перебросили (в Испанию) свежие части, артиллерию и самолеты, а испанское правительство закрыло французскую границу, прекратив таким образом поступление через Францию

артиллерии и боеприпасов... Ну что ж, даже говорить об этом не хочется. Но, когда я читаю в «Санди визитор» о зверствах «красных», коварстве испанского «коммунистического» правительства и гуманности генерала Франко, который мог бы закончить войну на много месяцев раньше, если бы не боялся причинить вред гражданскому населению (и это после того, как я видел полностью разрушенные бомбежкой города, видел, как методично бомбят и расстреливают из пулеметов колонны беженцев на дорогах) — то что тут скажешь. Такая лож убивает что-то и в тебе самом. Теперь они из кожи вон лезут, доказывая, что Франко не бомбил Гернику. Город был взорван красными... Что ж, я там не бывал. Но я был в Мора-дел-Эбро, Тортосе, Таррагоне, Сагунто и других городах, где Франко сделал именно то, чего он якобы не делал с Герникой. Что теперь говорить об этом? Когда воюешь, остается только одно — победить. Но когда тебя предали и продали десятком раз и ты проиграл войну, то вряд ли стоит удивляться, что на тебя же еще и клеветуют. Англичане настоящие злодеи.²³ Впрочем, они были такими с самого начала...

Сейчас положение таково: французская граница закрыта для поступавшего военного снаряжения с мая прошлого года... Центральную Испанию придется снабжать морским путем. Италия, возможно, установит блокаду. В результате блокады с воздуха потоплена почти половина поступавших грузов. Каждую ночь они бомбят порты Валенсия и Аликанте...

Для организации крупного наступления на Мадрид или Валенсию Франко потребуется от шести до восьми месяцев. Если у него хватит ума, он пойдет на Валенсию.

Если он возьмет Валенсию, то центральная Испания обречена. Валенсия — богатейшая провинция Испании и кормит Мадрид.

Итальянцы тоже попытаются захватить Мадрид, чтобы взять реванш за свое поражение под Гвадалахарой (1937 г.), и, возможно, они попытаются наступать на обоих фронтах одновременно.

Уже теперь (имеющимися силами и учитывая превосходство в артиллерии) они могут перерезать дорогу Мадрид — Валенсия и задуть город голодом. Последние два года во всей центральной Испании не хватало продовольствия.

Лучшие из моих друзей сейчас в Испании, и думать об этом очень тяжело. В Испании во время всей войны я прекрасно спал ночью; и прошлой зимой в течение пяти месяцев, по крайней мере через день, я был голоден, по-настоящему голоден, но чувствовал себя как нельзя лучше. Так что сознание — загадочная штука, и на него не влияют ни чувство безопасности, ни угроза смерти, ни даже наш желудок...

Всем моя любовь и еще раз спасибо за подарки.

ЭРНЕСТ

28 июля 1949 года

Кардиналу Френсису Spellmэну
Финка Вихия

Мой дорогой кардинал,

с каждой очередной фотографией вы выглядите все более сладкоречиво-высокомерным, ожиревшим и самоуверенным.

Как штрейкбрехер, выступающий против католических функционеров и госпожи Рузвельт, я возмущен тем, что вы слишком много себе позволяете. Это очень скверно, когда князь церкви становится самоуверенным.

Я знаю, что вы клевете на Испанскую Республику, и я также знаю, почему вы это делаете. Я знаю, кто отдает вам приказы, и я знаю, почему эти приказы отдаются. Вы возглавляете меньшинство в Соединенных Штатах, среди взносоплательщиков которого некогда был и я, но руководите вы этим меньшинством с высокомерием и наглостью, достойными ожиревшего князька церкви.

В Европе поговаривают, что вы будете следующим и первым американским Папой Римским. Пожалуйста, не стройте иллюзий и не уسرдствуйте слишком. Пока я жив, вы никогда не станете Папой.

Преисполненный уважения к вам

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

31 июля — 1 августа 1944 года

Мэри Уэлш²⁴
Франция

Маленький друг — очаровательный друг,

...с тех пор как мы виделись последний раз, я побывал у своих друзей-летчиков и даже полетал немного (совсем немного, но видел все хорошо). Затем отбыл по месту назначения, и там было ужасно скучно и нечего делать... и я попросил прикомандировать меня к той дивизии, с которой был раньше (4-я пехотная дивизия. — К. Бейкер). Вот уже восьмой день мы непрерывно наступаем. Познакомился с отличными ребятами. Им приходится намного труднее, чем летчикам, так что моя страсть к полетам, очевидно, не что иное, как разновидность лени. Во всяком случае, здесь с пехотой я очень счастлив. В бронетанковых частях мне не очень нравится — слишком много пыли. Впрочем, пыли здесь повсюду хватает, хотя попадаются и отличные места...

...Захватили мотоцикл с коляской, и теперь у нас есть свой транспорт, а вчера захватили еще и штабной «мерседес-бенц»... Наша дивизия перебила немало фрицев, а в немецких бронемашинах полно

прекрасного коньяка... Иногда мы наступаем и днем и ночью. Это очень хорошая дивизия, и я стараюсь быть полезным и не мешать...

Я так скучаю по тебе, что чувствую внутри какую-то пустоту и пытаюсь заполнить ее войной — днем и ночью... Я очень счастлив на фронте, но все же это не то, что любить... Мэри, в этом мире, который мы получили в наследство... Трудно быть осторожным... Но, пожалуйста, будь умницей — бесстрашной, но осторожной...

Я знаю, после того как все кончится, стоит мне остаться наедине с пишущей машинкой, и я смогу написать хороший рассказ... Все увиденное я держу в голове. Есть потрясающие наблюдения, и мне не следует растрачиваться на «Колльерс». Только за последнюю неделю получил столько впечатлений, что хватило бы на целую книгу...

Твой старший друг

Э. ХЕМИНГУЭИ,
военный корреспондент

6 августа 1944 г.

Мэри Уэли
Франция

Малыш,

мне нравится писать тебе. Только что кто-то поехал в штаб армии, и я отправил письмо... а, поужинав, решил, пока светло, написать еще одно. Ветрено, а день был ясный, хороший; лето, но не жарко, и завтра предстоит славный бой... Я уйду утром с первыми наступающими частями и, должно быть, буду с ними весь день, особенно если удастся найти ту часть, с которой наступал вчера — лучше всего учиться с теми, кого уже хорошо знаешь... Мы живем здесь радостной, пьянящей жизнью, полной убитых немцев, награбленного ими добра, стрельбы, боев, трудностей, небольших холмов, пыльных дорог, шоссе, пшеничных полей, убитых коров, лошадей, и снова холмов, убитых лошадей, танков, 88-миллиметровок, погибших американских солдат; порой ничего не ешь, спишь под дождем на земле, в амбарах, на телегах, походных койках, сидя и все время вперед, вперед...

5 или 6 августа (наверное, 6-го — воскресенье).

Несколько дней затишья, так что четыре или пять дней буду писать. Напишу четыре рассказа о пехотной дивизии и отправлю их в «Колльерс». Пусть печатают, когда хотят. За последние двенадцать дней одиннадцать раз ходил в атаку — знаю дивизионных, полковых, батальонных, многих ротных и взводных командиров. Скоро узнаю их еще лучше. Но сейчас надо писать.

Получилось удачно — старый, говорящий по-французски солдат может быть полезен, и мы с генералом (Бартоном) добрые друзья,

и в конце дня, когда он весь в пыли и невозможно, смертельно устал, мы лежим на одном одеяле и я докладываю ему, как обстоят дела на тех участках, где я побывал на своем мотоцикле...

Вчера все наши радужные планы на будущее висели на волоске — я очутился впереди нашей пехоты и меня швырнуло на землю взрывом танкового снаряда, потом из танка по мне выпустили пулеметную очередь и еще стреляли из автоматических пистолетов двое солдат, засевших по обеим сторонам дороги. Пришлось притвориться убитым и пролежать так довольно долго, и я слышал, как немцы, стоявшие от меня примерно в десяти футах за придорожным кустарником, чрезвычайно неуважительно отзывались о твоём старшем друге, коего почитали мертвым...

Пиши мне, малыш... А теперь до свидания и прими поцелуй...

Старший друг

27 августа 1944 года

*Мэри Уэлл
Париж*

Малыш,

только что получил твоё письмо. Первое письмо с тех пор, как корреспондент «Лайфа» и «Тайма» принес от тебя записку. Дважды ездил в штаб справиться о письмах и ничего, а тут, только вернулся в отель «Ритц», и вот оно, письмо, и я очень счастлив.

Мэри, все это время наша жизнь здесь была просто удивительной. Девятнадцатого установил связь с отрядом маки, которые решили сделать меня своим командиром. Должно быть, потому, что я выгляжу таким старым и грозным. Я выдал им обмундирование моторизованного разведотряда, погибшего на подступах к Рамбуйе. Вооружил их из дивизионных запасов. Захватил и удерживал Рамбуйе после того, как наша разведка отступила. Высылал дозоры и поставлял развед-информацию французам, когда те наступали. Они с успехом использовали наши разведданные. Французы действовали очень хорошо. А я порядком устал. К счастью, во время наступления Рамбуйе — Париж с нами был военный историк. Иначе нам бы никто не поверил. В основном вся наша операция ерунда в сравнении с настоящим боем. Но могло кончиться скверно. Теперь я снова присоединился к дивизии, а завтра должен попробовать написать обо всем. Потом передам своих людей дивизии. Прекрасные люди. Тебе бы понравились. И что за темперамент!..

Дважды мне было по-настоящему страшно, когда мой отряд оставался в городе в качестве заслона или, попросту говоря, входил

в соприкосновение с противником, и против нас действовали 15 фрицевских танков и 52 велосипедиста. Некоторые наши разведдозоры испугали бы тебя больше, чем сказки братьев Гримм, даже если бы не было никаких фрицев. Танки и велосипеды шарахались от нас...

Хочется повидать тебя. Ужасно соскучился... Пожалуй, я не могу говорить тебе о любви, ведь я так мало тебя знаю, но я очень соскучился и мне не хватает именно тебя, а не кого-то другого. И все же я говорю, что люблю тебя, потому что уже давно живу не по библии; я забросил ее подальше где-то по ту сторону Шартра (Франция)... Побывал во всех старых местах, где когда-то жил в Париже... Все кажется настолько невероятным, что ощущение такое, будто ты умер и это всего лишь сон...

8—11 сентября 1944 года

Мэри Уэлш

Бельгия

Дорогой малыш,

мы остановились в чудесном лесу, и я впервые отдыхаю. Прошлой ночью спал на устланном сосновыми иголками лесном полу. Дождя не было, и крепкий ветер раскачивал верхушки сосен, совсем как в середине сентября в Мичигане, когда я был мальчишкой. Так что нет ощущения, что пропустил осеннюю пору, как это бывает, когда живешь в городе или в чужих краях с другим климатом... Последние два дня стоит хорошая, ясная, лазурная осенняя погода — два чудных, счастливых, не прошедших даром дня бабьего лета... Малыш, это был самый счастливый месяц в моей жизни... Знаешь, за что, где и почему сражаешься и с какой целью. Не одинок. Не разочарован. Не обманут. Нисколько фальши. Никаких проповедей. Цель ясна, и делаешь все, чтобы ее приблизить. Потом поешь как можно лучше и делаешь все, чтобы ее приблизить. Потом поешь как можно лучше и даже лучше этого, и нет больше одиночества...

Из очерков, написанных для «Колльерс» (если вставить вычеркнутые цензурой части), можно составить целую книгу... Но если не протитуировать и не идти на компромиссы, то и тогда нам хватит денег, чтобы прожить, пока я напишу новый роман, а я каждый день тренируюсь, сплю, живу в суровых условиях на открытом воздухе, много не пью, стараюсь все понять и прочувствовать, потому что только так я смогу написать его. Часть времени уйдет на то, чтобы поостыть... Но у нас прекрасное будущее, малыш. Лучшее, чем когда бы то ни было...

Твой старший друг

Э. ХЕМИНГУЭЙ

13 сентября 1944 года

*Мэри Уэли
Германия*

Мой дорогой малыш,

вчера после целого дня преследования и стрельбы мы обосновались на ночь в пустом доме на ферме. Тревожная была ночь, поскольку основные части остались далеко позади, но мы прекрасно поужинали подстреленными из пистолета цыплятами и угостили полковника Лэнхэма и батальонного командира и выпили все, что было... День был хорош — мы выследили в лесу танки по следам гусениц и в конце концов спугнули их и, когда они вынуждены были выйти на шоссе, видели, как их накрыла наша артиллерия. Местность здесь пересеченная с покрытыми лесом или лысыми холмами, с которых видно все, что движется...

Когда мы пришли, люди все попрятались, но Джон нашел несколько человек, и они прибрали в доме, приготовили ужин и подоили коров, чтобы им не было больно, а я накормил кота и чудную, умную, сбитую с толка собаку, убитую горем из-за того, что все ушли и нарушился привычный порядок вещей. Потом уйдем и мы, но, я надеюсь, люди вернутся и все будет хорошо, ведь у собак нет ни национальности, ни гражданства...

Э. ХЕМИНГУЭЙ,
военный корреспондент

13 сентября, после ужина

Любовь моя,

это всего лишь записка, чтобы рассказать, как я тебя люблю. Только что поужинали, и выпить ничего не нашлось — вчерашнее торжество опустошило наши запасы, а новых алкогольных центров пока не захвачено... Стив пишет своей подружке нравоучительное письмо о том, что американские женщины не могут по-настоящему понять, каково приходится солдату-мужчине, умеющему только убивать, и чего он ждет взамен, и Стив читает мне выдержки, а я просто счастлив и мурлычу, точно хищник в джунглях, потому что я люблю тебя, а ты любишь меня. Надеюсь, малыш, ты говорила серьезно, потому что мне уже нет пути назад, как бронетанковой

колонне в узком ущелье, где и машине не развернуться, и дорога только одна. Я влип основательно, так что ты уж побереги себя для меня или для нас, и мы будем изо всех сил бороться за все, о чем говорили, и против одиночества, фальши, смерти, несправедливости, косности (нашего давнего врага), суррогатов, всяческого страха и прочих никчемных вещей; бороться за тебя, грациозно сидящую рядом на постели, хорошенькую — красивее любой фигурки на носу самого красивого и высокого корабля, который когда-либо поднимал паруса или кренился от ветра, за доброту, постоянство, любовь к друг другу, и за ночи и дни, полные любви. Малыш, я очень люблю тебя и буду твоим спутником, другом и настоящей любовью.

Мэри, милая... Пожалуйста, люби меня крепко-крепко и всегда, и заботься обо мне, малыш, так, как заботятся о своих старших друзьях все малыши...

15 сентября 1944 года

*Патрику Хемингуэю
Германия*

Любимый мышонок,

вот уже два месяца как Папá вернулся во Францию после дня «Д» (6 июня 1944 г., день высадки союзных войск.— В. П.). Должно быть, ты читал об этом в «Колльерс». Позже я летал с английскими летчиками, а потом был постоянно прикомандирован к пехотной дивизии, если не считать того периода, когда мне пришлось (временно оставив корреспондентскую работу) командовать отрядом маки — лучшее время за все эти месяцы, но писать об этом нельзя, расскажу при встрече. Находимся, как и Бамби (старший сын Джон Хемингуэй.— В. П.), в подчинении Управления стратегических служб. Любопытнейшая история, и когда-нибудь длинными скучными зимними вечерами я еще надоем вам рассказами о ней. Последнее письмо от Марти ²⁵ было в июне. В Париже видел всех ее друзей, а ведь она тоже могла бы быть там, если бы не была такой примадонной и подождала меня всего одну неделю... Я по горло сыт ее «примадонством». В Лондоне, когда я лежал с разбитой головой и страдал ужасными головными болями (25 мая 1944 г. в Лондоне Хемингуэй попал в автомобильную катастрофу.— В. П.), она не пожелала сделать для меня и того, что мы бы сделали даже для собаки. Я здорово ошибся в ней, или она очень изменилась — возможно и то и другое — но главным образом первое. Жалко терять друга, которого мы научили так хорошо стрелять и писать...

Мышонок, я очень соскучился по тебе, Старичку (Грегори, младший сын Хемингуэя.— В. П.) и Бамби и часто думаю о том времени, когда мы будем вместе... Вчера и сегодня шли тяжелые бои, ...и сейчас пишу под грохот контратаки... Я сохраню все карты, и мы повесим их в комнате для трофеев. Думаю, я должен был написать тебе о Марти, чтобы ты знал что к чему. Ее отношение ко мне на Кубе и в Лондоне было отвратительным. После Лондона я получил от нее всего одно письмо с рассказом о прелестях сада Джока Уитни и о том, как приятно бродить по такому красивому, спокойному, не тронутому войной городу, как Рим...

В Париже у меня было всего два относительно свободных дня, но я все же навестил старых друзей Сильвию Бич²⁶ и Пикассо...

В Лондоне, пока я лежал в ужасном состоянии,— приходилось спать на спине с консервными банками по обе стороны подушки, потому что, стоило уронить голову на бок, как меня рвало — ... за мной ухаживала чудная девочка по имени Мэри Уэлш. Потом мы с ней встретились в Париже... Тебе она должна понравиться. Я прозвал ее «карманный Рубенс Папа». Если похудеет, произведу ее в «карманного Тинторетто»²⁷. Чтобы понять, что это значит, тебе придется сходить в Метрополитен-музей.

Мышонок, мальчик мой, если в ближайшие недели с нами ничего не случится, то впереди нас ждет только хорошее...

С любовью Папа

15 октября 1944 года

*Максуэлли Перкинсу
Париж*

Дорогой Макс,

с тех пор как я писал тебе в последний раз, мы здесь жили дьявольски интересно. Я был с 4-й пехотной дивизией с момента ее прорыва чуть выше Сен-Ло и до 18 августа, пока ее временно не перевели в резерв, а я связался с отрядом маки. После нескольких очень интересных операций мы вошли в Париж вместе с передовыми частями армии. В первый же день освободили «Трэвеллз клуб» и отель «Ритц». Лучшее время в моей жизни...

Набрал материал на прекрасную книгу. Я приехал в дивизию как раз накануне прорыва, участвовал во всех операциях и, если мне еще немного повезет, хочу отдохнуть и приступить к работе над книгой...

Похоже, полеты помогли мне излечиться от Марти. Все стало на свое место. Сейчас, на земле, я уже больше не думаю о ней. Странно, но потрясывалась одна война, чтобы эта женщина поселилась в моем треклятом сердце, и другая, чтобы она ушла из него. Невезение. Но на войне встречаешь хороших людей. Такие не подведут. Хотя мало ли что может приключиться с ними...

ЭРНЕСТ

19 июня 1945 года

*Томасу Уэлшу
(отец Мэри Уэлш.— В. П.)
Финка Вихия*

Дорогой м-р Уэлш,

...если вы хотите знать, как влияет война на религиозные убеждения, то для начала могу сообщить вам следующее...:

Во время первой мировой войны после ранения я был по-настоящему напуган и под конец стал очень набожным. Страх перед смертью. Надежда спасти собственную душу или уцелеть с помощью молитв о защите, обращенных к деве Марии и прочим святым чуть ли не с неистовством первобытного человека.

Во время войны в Испании мне казалось слишком эгоистичным молиться за себя, когда вокруг тебя непосредственно поддерживаемые церковью люди творили такие ужасные вещи по отношению к народу. Правда, порой мне не доставало духовного утешения, как привыкшему выпивать человеку не хватает глотка спиртного, когда он продрог и промок.

Во время этой войны я не молился ни разу. Хотя попадал в разные переделки. Думал, что, потеряв всякое право на покровительство, просить о нем, несмотря на страх, было бы нечестно...

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

23 июля 1945 года

*Максуэллу Перкинсу
Финка Вихия*

Дорогой Макс,

боюсь, что я не писал тебе со времени последней автомобильной катастрофы... На этот раз голова не очень пострадала — рана на лбу довольно глубокая, но трещины в черепе или сотрясения мозга не

было. Сильно ударил левое колено, и оно до сих пор беспокоит — плохо сгибается. Грудная клетка уже в порядке...

Был первый дождливый день после восьми месяцев засухи, и дорога на холме, по которой возят глину, была такой скользкой, словно ее натерли мылом. Не повезло. Чтобы замять шумиху, я велел прислуге сказать газетчикам, что ничего серьезного не произошло и что я уехал на рыбалку. Но вообще-то мне досталось. Рана на голове от зеркала заднего вида... Рулевую колонку я погнул грудью... Четвертая авария за год. К счастью, в печать просочилось сообщение только о двух из них.

Бамби был здесь, но уже уехал. Славный мальчик. В плену он похудел, но уже немного отошел²⁸. Однажды он бежал из лагеря. Ранения у него были тяжелые, но в удачные места. Врачи хотели ампутировать руку, но он уговорил их не делать этого, и они удалили только мышцу в спине для дренирования. Он говорит, что это сказывается только на силе его подачи при игре в теннис... После первой выброски он провел в тылу у немцев шесть недель — организовывал сопротивление...

Прошлый год был очень тяжелым. Все, чему научился, досталось мне нелегко и, честно говоря, Макс, это далеко не то, что прописал бы доктор хорошему писателю 45 (46) лет, имеющему дело с таким деликатным инструментом, как голова... Но за прошедший год я узнал много больше, чем за все предшествовавшие годы, и надеюсь со временем написать об этом что-нибудь приличное. Я буду очень стараться.

Пожалуйста, попроси прислать мне книгу Эдмунда Уилсона о Скотте (Фицджеральде). Меня гложет то, что я ничего не написал о Скотте, хотя знал его, возможно, лучше других. Но как можно написать правду, пока жива Зельда... Конечно, он никогда не закончил бы своей книги²⁹. Скорее она нужна была ему для получения аванса — карточный домик, а не книга. Поразительная напыщенность таких книг производит впечатление на тех, кто не знает секретов писательства. Эпические произведения, как известно, часто бывают фальшивыми. А он взял такую высокую эпическую ноту, какую никому не под силу вытянуть... Законы прозы столь же непреложны, как и законы авиации, математики или физики. Скотт не знал никаких законов. Он все писал не так, как надо, а получалось хорошо. Но геометрия рано или поздно напоминает о себе. Мне всегда казалось, что мы с тобой можем рассказать правду о Скотте, потому что оба восхищались им, понимали и любили его. В то время как другие были ослеплены его талантом, мы видели и сильные и слабые его стороны... Малодушие и мир грез всегда отличали его героев... Скотт мнил себя знатоком футбола, войны (о которой он вообще ничего не знал), и хотя он не смог бы перебежать даже Пятую авеню с ее движением, он всегда считал себя «мастером бега с препятствиями».

В следующий раз напишу о его положительных качествах... Но оценивая лошадь, полк или хорошего писателя, я прежде всего стараюсь разглядеть их недостатки. То, что они хорошие,— это само собой разумеется, иначе вообще не стоит обращать на них внимания...

ЭРНЕСТ

8 мая 1950 года

Сенатору Джозефу Маккарти
Финка Вихия

Мой дорогой сенатор,

должен заметить, что вы уже многим поднадоели и рискуете стать для нас совсем чужим. Если вы потеряли конечности или голову во время боевых действий на Тихом океане (в 1942 г. Дж. Маккарти служил в морской пехоте США.—В. П.), то вам, конечно, можно посочувствовать. Но большинству людей вы просто наскучили, потому что им доводилось видеть настоящих солдат, которым досталось. Иные видели даже убитых и вели им счет, и насчитали немало солдат по фамилии Маккарти. Но вас среди них не было, и мне не приходилось считать ваши нашивки за ранения...

Я знаю, вы развернули бурную деятельность (должно быть, вас действительно здорово зацепило), но, сенатор, воистину, вы выпустили кишки из многих налогоплательщиков, и я предлагаю проделать то же самое с вами. Можете приехать сюда и сразиться бесплатно и без паблисити с таким старым чудачком, как я, которому стукнуло пятьдесят и который весит 209 фунтов и считает вас, сенатор, дерьмом, и готов дать вам в пору вашего расцвета хорошего пинка под зад. Вам это может пойти на пользу и уж несомненно кое-чему научит...

Всегда Ваш
Эрнест ХЕМИНГУЭИ

На самом деле я думаю у вас не хватит смелости драться не то что с мужчиной, но даже с зайцем...

Всегда Ваш и с превеликим уважением к вашему ведомству,

Эрнест ХЕМИНГУЭИ

2 июня 1950 года

Артуру Майзенеру
(амер. критик, биограф С. Фицджеральда.—В. П.)
Финка Вихия

Дорогой г-н Майзенер,

моя сестра Ура (Урсула) училась в вашем колледже и сейчас живет в штате Гавайи — факт, не имеющий отношения к делу. Когда я вернулся домой после первой войны, она обычно ждала меня, заснув на ступеньках лестницы, ведущей в мою комнату на третьем этаже. Она непременно хотела проснуться, когда я приходил, потому что кто-то сказал ей, что мужчине очень плохо пить в одиночку. Она выпивала со мной что-нибудь легкое, пока я не укладывался спать, и она оставалась у меня, чтобы мне не было одиноко ночью. Мы всегда спали при свете. Иногда, увидев, что я заснул, она гасила свет, и сама не спала, а, заметив, что я просыпаюсь, снова зажигала его. В то время я не мог спать в темноте³⁰, и теперь вам ясно, что знает об этом Уилсон³¹ и что за прекрасная девочка училась в вашем колледже.

Что за черт, не так-то это просто — любили вы или ненавидели свою мать. А что если вы любили двух сестер, пять собак, почти двадцать кошек, четыре разных самолета, два больших и пять маленьких городков, три континента, один катер, океаны и бог знает сколько женщин. Во всем виновата ваша мать. Нет, это слишком просто, с какой стороны ни посмотри. Я также люблю своих детей, люблю писать, читать, любоваться картинами, охотиться, ловить рыбу, ходить на лыжах и еще люблю разных людей в Венеции. Кроме того, люблю свою жену Мэри. Люблю 4-ю пехотную дивизию и 22-й пехотный полк и Гон-Конг и Новые территории. Двух девушек в Венеции и одну в Париже. Люблю их искренне и крепко.

Эдмунд Уилсон пичкает нас рассказами о скрытых душевных травмах. Прекрасно. У меня 22 легко различимых ранения (возможно, это помимо скрытого, и я убил по крайней мере 122 человека, помимо тех, о ком я не могу знать наверняка. Последний, нет, не последний, а тот, чью смерть я перенес особенно скверно, был солдатом в немецкой форме и каске. Он ехал на велосипеде впереди отступающей части по дороге на Ахен, которую мы перерезали чуть повыше Сен-Кантена. Я не хотел, чтобы наши стреляли из крупнокалиберного пулемета и спугнули тех, что ехали следом за ним на бронетранспортерах, и сказал: «Оставьте его мне», и застрелил его из карабина. Потом мы подошли обыскать его и поправить ловушку, и он оказался совсем мальчишкой, ровесником моего сына Патрика, а я прострелил ему позвоночник и пуля вышла через печень. Спасти его было нельзя, так что я положил его как можно удобнее и дал ему таблетки морфия, и тут подошел мальчик-француз и попросил велосипед, потому что его

был украден немцами, и мы отдали ему велосипед и велели спрятаться к дьяволу в небольшом кафе на перекрестке, а сами поправили ловушку.

Нет. Я думаю мы таковы, каков окружающий нас мир, и все эти психоаналитические версии или интерпретации никуда не годятся...

С наилучшими пожеланиями

Эрнест ХЕМИНГУЭИ

25 августа 1950 года

Роберту Кантуэллу

(амер. писатель, критик.— В. П.)

Финка Вихия

Дорогой Боб,

странно было получить от тебя письмо после столь долгого молчания. Я беспокоился и ждал твоих книг. Ты был моей главной надеждой в американской беллетристике...

Что касается неприятных сторон известности... Вот примерно как это бывает: в ночных клубах незнакомые люди подходят к тебе и говорят: «Так это вы Хемингуэй?» и без дальнейших объяснений виснут у тебя на шее. Или они начинают лапать тебя, что малопрочно, а то и твою жену или знакомую, а когда ты делаешь им замечание, предупреждаешь и, наконец, вынужден дать им пинка, то это попадает в газеты...

Нельзя же все время сидеть дома, но стоит выйти, и как только что-нибудь случается, газеты тут как тут. Они почему-то не пишут ни о том, что ты встаешь на рассвете и принимаешься за работу; ни о том, что ты никогда не отказывался послужить своей стране; ни о том, что ты сам, твой брат и старший сын были ранены на последней войне; ни о том, что оба твои деда сражались и были ранены во время гражданской войны (в США 1861—65 гг.— В. П.); ни о том, что ты был ранен врагом 22 раза, из них шесть раз в голову, и тебе прострелили обе ноги, оба бедра и обе руки; ни о том, что твоя единственная цель быть лучшим американским прозаиком... Я никогда не был святым, Боб, и в наш век жить куда труднее, чем в средние века, а ведь я прожил в нем полсотни лет, да плюс еще год. И может статься, скоро сенатор Маккарти, да провались он в преисподнюю, решит, что со мною пора кончать...

Я стараюсь писать как можно лучше и мало что знаю о наших предках и не пытаюсь романтизировать их, как это делает Фолкнер. Я точно помню, как мой дед рассказывал, что всякий раз, когда будили Гранта ³², он не стеснялся в выражениях...

Книга по-настоящему хорошая («За рекой, в тени деревьев».— В. П.). Но если тебе не нравится, можешь разнести ее к черту. Это твое право и твой долг. Я сам прочел ее 206 раз, чтобы убрать ошибки или неточности, но даже в последний раз — книга мне понравилась, и все 206 раз она раздирала мне душу. Это мое личное мнение, и не следует обращать на него внимания. Но я читаю и пишу не первый год и научился отличать дешевку от настоящей вещи.

Похоже, я ответил на все твои вопросы, Боб... Забавно, что у тебя и моего несчастного полковника одна и та же фамилия, но мне это даже приятно.

Бывший генерал-лейтенант британской армии, прочтя мой роман в журнале, уже основал в Ирландии «Общество Кантуэлла»... Возможно, и мы когда-нибудь станем его членами. Особенно если учесть, что ты урожденный Кантуэлл. Но книгу, если хочешь, можешь разгромить...

Надеюсь, у тебя все хорошо. Свяжись с Кеном³³. Он был такой занятой, что, должно быть, не помнит меня. Но ты скажи ему, что я тот самый субъект, которого послали с приказом доставить его во что бы то ни стало. А было это в один необычный июльский день, когда и Христос не пожелал бы идти по воде туда, где был Кен. Он даже не хотел заглянуть в полк — 8-й пехотный полк армии Соединенных Штатов. Генерал Раймонд Бартон, командовавший 4-й пехотной дивизией, сказал мне, нет, приказал пойти, отыскать и привести Кена. Пущенный из танковой пушки броневой снаряд пробил стену дома, где находился КП и, оторвав по колено ногу штабного капитана, прошел через заднюю стену чуть повыше голов двух отдыхавших на койках связистов. Нога упала на пол, но голос генерала Бартона, говорившего по телефону, даже не дрогнул, и я, как и было приказано, отправился за Кеном. Ногу капитана обожгло снарядом, и крови почти не было. Он просто удивленно смотрел на свою ногу. На улице я встретил этого героя Эрни Пила³⁴, плакавшего оттого, что наши бомбардировщики накрыли своих... Я сказал ему, что на прошлой войне, чтобы накрыть цель, нам иногда приходилось вести огонь так близко от своих позиций, что погибало до двадцати процентов наших солдат. Он сказал, что у меня нет сердца. «Войди в дом, — ответил я, — и полюбуйся на эту ногу, она по-прежнему там, на полу. Ты сентиментальный дурак. И не говори со мной дурацким газетным языком, потому что сейчас я иду во второй батальон».

Кен был во втором батальоне. Теперь по крайней мере тебе понятно, как я нажил себе столько «друзей»... У Кена хватило бы храбрости прыгнуть даже с «Эмпайерстейт билдинг» (в 50-е годы самое высокое здание в Нью-Йорке.— В. П.). А Эрни был выдуманным агентством

печати национальным героем... Мне не по душе выпивоха-бахвал, но он, во всяком случае, лучше выпивохи-нытика.

Кончается страница. Можно бы порассказать еще. Но зачем? Ты согласен?

ЭРНЕСТ

Боб, дорогой,

пожалуйста, не говори никому и не пиши о том, сколько раз меня ранило. Я просил «Кейп» и «Скрибнерс» (амер. издательства.— В. П.) не распространяться о моей военной службе — мне это неприятно и портит все, чем я горжусь. Я хочу, чтобы меня знали как писателя, а не как охотника, бузотера или выпивоху. Я хотел бы быть честным писателем и пусть меня судят как такового.

Всегда с наилучшими
ЭРНЕСТ

11 сентября 1950 года

*Генералу Чарлзу Лэнхэму
Финка Вихия*

Дорогой Бак,

...воскресное книжное обозрение «Таймс», так же как и «Геральд трибюн», поместило рецензию на книгу («За рекой, в тени деревьев». — В. П.) на первой полосе. Рецензию в «Таймс» написал Джон О'Хара. Он начал с того, что назвал меня лучшим писателем со времен Шекспира, и это, конечно, принесет мне немало «друзей». Ну и заявление. Все хорошие писатели хороши по-своему. После Шекспира была по крайней мере дюжина очень хороших писателей. Кроме того, он не смог понять моей книги, поскольку не знал людей, о которых я обычно пишу... А я знаю всевозможных солдат, художников, дипломатов, воров, гангстеров, политиков, жокеев, тренеров, матадоров, много красивых женщин, аристократов, бомонд, спортсменов, профессиональных убийц, всяческих игроков, оголтелых анархистов, социалистов, демократов и монархистов, так что, если можно быть обвиненным за связи, то в этом я признаю себя виновным. Еще среди моих знакомых наберется целый батальон барменов и попов — и те и другие ссужали меня деньгами, которые я сполна отдавал. Я также знал рыбаков, охотников, бейсболистов, футболистов, Жоржа Клемансо, Муссолини (последнего слишком хорошо), экс-королей... Так что моя

биография существенно отличается от биографии тех, кто судит обо мне с такой легкостью. Они всегда изображают меня простеньким, застенчивым сыном сельского врача, а с легкой руки Каули (амер. критик.— В. П.) я стал еще и увальнем с плохим зрением...

Впрочем, все это чепуха. Да еще всякая ерунда, вроде той, что таких женщин, как в моих книгах, в жизни не бывает. Ты этому веришь? Они хотят сказать, что никогда не встречали таких женщин. Да где им!

Они не поверили бы, что Марлен Дитрих не так давно написала мне на фотографии: «Папá! Я пишу на фотографии, чтобы тебе не удалось быстро потерять ее. Я безоговорочно люблю тебя. Это значит, я не могу на тебя рассердиться, обидеться и т. д. и т. п. Это значит *Plein Pourvoir* (полное расположение.— фр.) с моей стороны по отношению к тебе». Что скажете теперь, джентльмены!

Un abrazo de tu amigo
(обнимающий тебя друг.— исп.)
ЭРНЕСТО

13 сентября 1952 года

Бернарду Беренсону³⁵
Финка Вихия

Дорогой мистер Беренсон,

большое спасибо за письмо и за то, что книга вам понравилась... («Старик и море». — В. П.)

В ней нет никакой символики. Море — это море. Старик — это старик. Мальчик — это мальчик. Акулы — это акулы, не больше и не меньше. Символика, которую приписывают мне, — сплошная чепуха. Между строк можно прочесть только то, что знаешь сам. Писатель обязан знать очень многое.

Когда я впервые увидел картины, я попытался учиться по ним. Художники, как вам известно, много лучше писателей. Что тут поделаешь? Но это так. Правда, они продают содержимое своих мусорных корзин. Но ведь и мы не без греха...

Должно быть, мне не следует спрашивать вас, не хотите ли вы, или не согласились ли бы черкнуть одну, две или три строчки об этой книге, чтобы «Скрибнерс» могло их процитировать? Вы единственный из критиков, кого я уважаю, и если книга вам действительно понравилась, то это могло бы встряхнуть тех, кого я не уважаю. Но если просьба моя кажется вам наглой, то, пожалуйста, выбросьте ее из головы... Как бы там ни было, я послал вам книгу не для этого.

Здесь всю неделю стояла штормовая погода. Мэри, наверное, отправится на следующей неделе в Нью-Йорк — кто-то же должен наслаждаться триумфом, когда мы побеждаем, или нам так кажется. Но меня пока не тянет в город.

Несмотря на частую смену погоды, течение в заливе отличное, и мы поймали двадцать девять крупных рыбин... Момент, когда огромная рыба выпрыгивает из воды и вновь исчезает в ней, волнует меня как и прежде. Я всегда говорил Мэри, что в тот день, когда прыжок летучей рыбы не доставит мне счастливого возбуждения, я брошу рыбную ловлю...

Пожалуйста, простите за столь длинное письмо и забудьте о всех просьбах...

Всегда Ваш,
Эрнест ХЕМИНГУЭИ

14 октября 1952 года

*Бернарду Беренсону
Финка Вихия*

Дорогой мистер Б.,

посылаю вам еще одну вырезку из газеты. Эта рецензия мне понравилась...

Мэри загорает на крыше башни, а черный пес лежит у моих ног и видит страшный сон. Ему, как и мне, снятся сны, и, просыпаясь ночью, я часто слышу, как он вздыхает от очередного кошмара. У нас прокатилась волна вооруженных ограблений, а он боится вооруженных грабителей больше всего на свете. Ночью, когда раздается какой-то шум, и я вынужден взять револьвер и встать, он обычно притворяется крепко спящим. Днем он очень храбрый и ненавидит полицейских, членов «Армии спасения»³⁶ и всякого, кто носит форму. Ночью он очень осторожен и благоразумен. Иногда он встает и вместе со мной совершает ночной обход. Но я знаю, чего это ему стоит, и не браню, когда он предпочитает оставаться спящим...

Надеюсь, Марта здорова и счастлива. Насколько я понимаю, она отзывается обо мне не очень лестно. Но это вполне естественно... Помоему, не следует доверять рассказам любой из сторон разрушенного брака... Я, конечно, предпочитаю молчать. Всякий, кто принимает хорошенькую и честную женщину за богиню-царицу ночи, должен быть наказан, если не как еретик, то как дурак.

Всегда вспоминаю слова Джойса (Джеймс Джойс.— В. П.): «Хемингуэй, богохульство не грех. Ересь — это грех».

Вы знали Джойса? Он ужасно обращался со своими почитателями... А с обожателями — еще хуже. Но он был моим лучшим собеседником и другом. Помню, как-то раз, будучи в мрачном расползании духа, он спросил меня, не кажется ли мне, что его книги отдают «провинциальщиной». Он сказал, что это его иногда угнетает. «Ах, Джим, — сказала миссис Джойс, — тебе бы написать об охоте на львов». Джойс ответил: «Должен признаться, мне даже взглянуть на них страшно». Тогда миссис Джойс сказала: «Хемингуэй опишет тебе льва, и тогда ты сможешь подойти, дотронуться до него и почувствовать его запах. Вот и все, что тебе нужно».

Пожалуйста, берегите здоровье и пишите книги. Стоит только начать, слово за слово, и все получится... Писатели-беллетристы всего лишь супер-врали, которые, если, конечно, они много знают и достаточно дисциплинированы, пишут так, что вымысел становится достовернее правды...

Вашу книгу я наконец получил, и на английском языке она мне нравится даже больше, чем на итальянском. Вы молодец, что смогли написать ее во время войны. Сам я во время войны не могу писать ничего, кроме стихов. Однажды в Мадриде я написал пьесу («Пятая колонна» — В. П.). В то время она мне казалась хорошей, но, очевидно, это не так. Я тогда читал странную книжку какого-то англичанина, написанную необыкновенно плохим и в то же время эффектным языком, и, подобно жалкому хамелеону, я стал подражать ему. Вот что получается, когда читаешь романы до завтрака... Обычно утром, до того как начать работать, я стараюсь ничего не читать, чтобы не заниматься бесполезным заимствованием, не попасть под чье-то влияние, никому не подражать и не позволять заглядывать себе через плечо. В Мадриде, до того как сесть писать, я ходил в Прадо (худ. музей — В. П.). Это было здорово и не причиняло такого вреда, как чтение по утрам. Я знаю, это не ваша тема, но человек без формального образования может многое почерпнуть в Прадо, особенно если проводить там все утренние часы. Сочетание великих и никчемных произведений и неизвестных шедевров создает удивительное ощущение...

О картинах, выставленных в Прадо, хорошо заботились, и ни одна из них не пострадала. Я всегда гордился тем, как Республика заботилась о картинах. Помню, как колонна грузовиков с картинами из Прадо продвигалась по дороге Валенсия — Барселона в тот день, когда франкисты перерезали шоссе и вышли к морю. Жалкие остатки одной роты сдерживали целую колонну противника, рвавшего к дороге. «Мессершмитты» и «фиаты» обстреливали грузовики с брешаго полета, и я молился за картины... Они были вывезены в Швейцарию и потом полностью возвращены. Возможно, не стоило так рисковать и эвакуировать картины по шоссе. Но тогда никто не знал, что произойдет в Валенсии, и многие из солдат, которые могли

бы спастись, отдали свои жизни, удерживая дорогу и спасая картины. Во время бомбардировок и обстрела Мадрида фашистами к простым, малограмотным людям обращались с призывом: «Бережно относитесь ко всему, что вам кажется непонятным. Это может быть произведением искусства!»

По-моему, такой лозунг уместен во все времена...

Ваш друг
ЭРНЕСТО

24 сентября 1954 года

Бернарду Беренсону
Финка Вихия

Дорогой Б. Б.,

рад был получить от вас весточку и узнать, что вы здоровы. Вы совершенно правы, говоря, что нам никогда не удастся добиться задуманного. Правда, иногда, перечитывая свою работу спустя много времени, мы все же добиваемся своего. Когда получается хорошо, мне начинает казаться, что это я у кого-то украл, а потом я вспоминаю, что никто другой не мог этого знать и что на самом деле этого никогда не было, а значит, я должен был все придумать сам, и тогда я чувствую себя счастливым. Последняя написанная вещь всегда кажется нам самой хорошей, поэтому, возможно, я излишне уверен в книге о старике и море. Каждый день, по мере того как я писал ее, я поражался тем, как здорово у меня получается, и надеялся, что завтра смогу выдумывать так же правдоподобно. Когда я закончил, мне осталось сделать всего три или четыре исправления и я боялся, что здесь что-то не так, но, перечитывая книгу, с каждым разом убеждался, что она впечатляет меня не только как автора, но и как читателя. Не могу читать ее без волнения и знаю, вы мне поверите — это совсем не то волнение, какое испытывает человек, любующийся своим творением... потому что я читаю эту книгу как нечто, написанное совершенно другим человеком, который давно уже умер.

Мы оба достаточно прожили и можем говорить правду, и я рассказываю вам обо всем только потому, что это действительно любопытно. Некоторые вещи, такие, например, как история Пабло и Пилар в «По ком звонит колокол» — о том, как они расправляются с фашистами в деревне, — я перечитываю с искренним удивлением: неужели я мог так все придумать. Знаете, беллетристика, или, вернее, проза, пожалуй, самый трудный писательский хлеб. У вас нет эталона, старого испытанного эталона. Есть только лист чистой бумаги,

карандаш, необходимость сделать вымысел достовернее реальной жизни. Нужно превратить неосязаемое в осязаемое, и чтобы все казалось естественным, и читатель поверил, что это произошло с ним самим. Невозможная задача. Вот почему особенно ценно, когда тебе это удастся. Но написать так по заказу или по контракту нельзя, равно как нельзя работать алхимиком по найму.

Б. Б., нам не следует пессимистично относиться к тому, что сделано хорошо, ведь и нам необходимо вознаграждение, а единственное вознаграждение — это наша собственная оценка. Я гордился бы, будь у меня такой же *hoja de servicio* (послужной список.— исп.), как у вас. Другое дело — недостижимое. Все горы уже покорены, все страны, которые стоят того, чтобы их увидеть, уже исследованы, а побывав в таком древнем краю, как Африка, убеждаешься, что и здесь все изучено задолго до того, как такие исследования стали финансироваться миссионерскими фондами или Джеймсом Гордоном Беннеттом³⁷.

Слава, поклонение читателей, лесть или просто мода на писателя ничего не стоят и чрезвычайно вредны, если им поддаешься...

Сейчас я работаю лишь впосилы... Нужно пережить еще шесть недель скверной погоды, а там настанет такое время, что самому захочется писать и не придется себя заставлять. Я очень незадачливый писатель, и погода в моих книгах обычно такая же, как в данный момент на улице. Мне бы не хотелось навязывать читателю то пекло, какое стояло все это лето, и потому я работаю в комнате с кондиционером, а это так же неестественно, как если пытаться писать в герметизированной кабине самолета. Казалось бы, ты пишешь, но все получается фальшиво, словно ты работаешь в теплице. Очевидно, я все это выброшу, а может быть, когда по утрам установится бодрящая погода, использую написанное как заготовку и наполню ее утренними запахами, голосами птиц и прочими приятными ощущениями, которые в зимние месяцы здесь, на Финке, такие же, как в Африке.

Но, Б. Б., нет ничего лучше Африки, как нет ничего лучше молодости и любви, и того волнения, какое бывает, когда просыпаешься и не знаешь, что таит в себе предстоящий день... Вам лучше, чем мне, потому что вы написали больше книг. Слава богу, есть наши книги. Хотелось бы, чтобы наш труд помог и другим людям писать стоящие книги. Мэри послала бы вам свою любовь, но она принимает солнечную ванну. Думаю, я могу с уверенностью сделать это от ее имени.

Примите наши наилучшие пожелания.

ЭРНЕСТ

3 января 1954 года

Харви Бриту
недалеко от Магади, Кения

Дорогой Харви,

как дела, малыш, и как твое житье-бытье? Мы стали лагерем на границе Кении и Танганьики. Я здесь уже около семи недель. Меня сделали почетным инспектором по охране дичи и в связи с чрезвычайными обстоятельствами (восстанием «Мау-Мау»³⁹) еще и объездчиком. Первоклассная жизнь. Проблемы днем и ночью. Вот вчера стадо слонов (двадцать один) вытоптало shamba (поле.—сушили), принадлежащее семье моей «невесты» из племени уакамба (народность в Восточной Африке. — В. П.). Они паслись неподалеку, и девять слонов прошли через кукурузу, которая после дождя поднялась почти до пятнадцати футов... Мы преследовали их, пока они не ушли в район холмов, и потом оставили проводчика Арап Майна и еще одного человека, чтобы они отпугнули слонов, если им вздумается вернуться на поле ночью. Проверили стадо буйволов (82) — и с ними все в порядке. Нашли львицу, у которой накануне рождества появились детеныши; она тоже в порядке. Львица задрала самца из небольшого стада антилоп (11 голов). Он был моим приятелем с сентября, но в стаде подрастает шесть молодых самцов, и один из них станет вожаком. Все равно мне его жаль. Ложусь рано, встаю ночью и отправляюсь на прогулку с копьем. Изучаю звуки, разнообразные ночные голоса животных. Фонарем не пользуюсь и хожу один в мягких сапогах. Утром пьем чай — в 5.30 — и потом я и мисс Мэри отправляемся охотиться с ее ружьеносцем Чаро (ему должно быть под восемьдесят, и он ниже ее ростом) и моим ружьеносцем Нгуи (он сын М'Кола, который был моим ружьеносцем еще тогда, когда я писал «Зеленые холмы Африки»). Нгуи крепкий орешек, он семь лет прослужил в Королевских Африканских стрелках в Абиссинии, Бирме и т. д. В Абиссинии он немного выучился говорить по-итальянски. Нгуи и я влюблены в двух девушек из ближайшей деревни уакамба. Это очаровательная деревушка на берегу ручья с плантацией кукурузы — акров пятнадцать, и немного зерновых, и наши девушки — наследницы всего этого... Только наши — черные и очень красивые. Каждый день они приносят нам подарки — сладкую кукурузу и пиво собственного изготовления (очень хорошее), и сегодня я подарил им фунт топленого свиного жира и заднюю часть туши кабана, подстреленного мисс Мэри, а также немного соли и номер «Лайфа». Вчера познакомился с матерью, братом и двумя сестрами моей «невесты». Отец ее не очень знатного происхождения, но живет в достатке. Мать очень приятная женщина и недавно родила. Мисс Мэри ни во что не вмешивается, все понимает и вообще она молодец...

Я должен убивать хищников, нападающих на их скот или вытаптывающих посевы. Пока я с этим справляюсь, буду пользоваться у них некоторой популярностью.

Вешу 186 фунтов. Долгое время весил 190—192. Обрил голову, так моей «невесте» больше нравится. Ей нравится трогать все шрамы и рубцы у меня на голове. Я всегда думал, что их надо стыдиться. Но не здесь. Харви, африканские девушки, по крайней мере уакамба и масаи, действительно восхитительны, и вся эта чепуха о том, что они лишены чувства любви,— сплошное вранье. Просто они намного жизнерадостнее наших девушек. Пожалуй, хватит об этом, потому что я хочу написать о них по-настоящему...

С огромной любовью и с Новым Годом!

Папá

4 февраля 1954 года

Харви Бриту

Шимони (Кения)

Дорогой Харви,

наконец наладил связь между правой рукой и головой, так что могу написать тебе собственноручно...

Для твоего сведения, падение второго самолета доставило мне некоторые неприятности⁴⁰. Принято говорить «Врешь, не возьмешь», но я повредил почки или, возможно, только одну из них, печень, селезенку (или что-то в этом роде), каждую ночь моя подушка намокала от просачивавшейся мозговой жидкости, кожа на макушке сожжена напроць и т. д. Кроме того, видишь, что можно получить от одной хорошей взбучки (пришлось немного подышать в огне, а это еще никому не было на пользу, за исключением, конечно, Жанны Д'Арк, перевоплотившейся (общепризнанный факт) в генерала Де Голля. Ослеп на левый глаз (впрочем, он и раньше никуда не годился).

Харви, эта встряска была похуже, чем весть о присуждении Нобелевской премии Фолкнеру.

Мисс Мэри молодцом, правда, немного нервничает. Она была очень храброй и очаровательной...

Всегда твой
Папá ЭРНЕСТ

23 декабря 1954 года

Генералу Е. Е. Дорману-О'Гоуен ⁴¹
Финка Вихия

Дорогой Чинк,

мне очень совестно, что я не писал. Меня осаждали журналисты, фотографии и скучные и забавные психи. Работа над книгой была в самом разгаре, а это все равно, что тебя прервали в момент тайного свидания с любовницей...

Ты знаешь, я никогда не был мрачным субъектом, но этот шведский гонг не доставил мне ни радости, ни веселья ⁴². Деньги неплохие, пригодятся для уплаты налогов, а так это только дает всем сомнительное право бесцеремонно вмешиваться в твою личную жизнь. Вчера разделявал и упаковывал для глубокой заморозки мясо черепахи и рыбу, пойманную во время морской прогулки, в которой мы спасались от телефона, и тут заявили представитель ныне покойного баскского правительства, а с ним португальский генеральный консул и его китайский коллега. Вода и электричество были отключены, так что я с удовольствием пожал им руки своей пропахшей черепашью мясом ладонью и пожелал им «бог в помощь»...

Будь ты писателем, тебе бы это тоже не понравилось. Трусом меня не назовешь, и потому я всегда кажусь подозрительным. Все усматривают в этом либо браваду, либо бесчувственность. Можно подумать, что коль скоро ты не кричишь под пытками, то тебе уже все нипочем...

Всего тебе наилучшего, Чинк.

ХЕМ...

4 сентября 1955 года

Филипу Персивалю ⁴³
Финка Вихия

Старик, дорогой...

мы снимаем настоящую рыбную ловлю для фильма «Старик и море». В первый же день поймали двух марлинов 472 и 422 фунта, и сделали несколько очень удачных кадров. Приходится вставать в четыре часа утра и рыбачить до темноты. Вчера семь часов подряд простоял у штурвала на мостике, а предыдущие дни стоял и по десять часов. Используем четыре взятые у местных рыбаков лодки, оснащенные парусом, как в повести, и еще два катера и ходим стаяй, чтобы камеры были рядом на случай, если попадется рыба. На катерах

установлены стационарные камеры для съемок по системе «кинемаскоп» и дополнительно одна оперативная камера. Ее легко держать в руках, и снимает она очень быстро и точно. Когда парусные лодки поворачивают домой, мы на катерах пробуем ловить на блесну, чтобы снять прыгающую рыбу. В полдень Мэри приносит горячие закуски для рыбаков и операторов. Мы кормим их хорошо: на выбор жареные омары, цыплята, бифштексы, на гарнир черная фасоль, рис, вкусный салат и фрукты папайя или апельсины. Закуски мы заказываем в портовом ресторане в Кохимаре. Кроме того, я поставляю им лед, наживку, снасти, развлекаю этих субъектов, присматриваю за лодками до 14.30 или 16.00, а потом устраиваюсь на палубе и по дороге домой шестнадцать — восемнадцать миль ловлю на блесну. Мэри все нравится. По ее словам, это напоминает сафари, но только на океане, и она очень гордится тем, что у нее своя лодка, и счастлива, когда ей уделяют столько внимания. Моральный дух команды на высоте, особенно когда они видят, как эта девочка в любую погоду выходит в море с горячей закуской.

Съемочная группа составляет четырнадцать человек да еще восемь рыбаков на парусных лодках... Есть врач, который также является барменом. До сих пор нам удавалось поддерживать у всех хорошее настроение и рвение к работе, и дело подвигается. Все просто, когда единственная твоя работа — это говорить по-испански и оставаться самим собой. Но прошло только три дня, а впереди еще двенадцать. Течение очень сильное и хорошее, — и рыба должна ловиться хорошо, особенно теперь, когда луна идет на убыль. Если здесь крупная рыба не попадется, пойдем к Перу, где тысячефунтовые рыбины — обычное дело. Правда, это неповоротливые рыбы-переростки, разъевшиеся на кальмарах, а кальмары там весят по 40 фунтов, тогда как здешние — всего около фунта. Если только нам удастся снять несколько хороших прыжков хотя бы одной огромной треклятой рыбины, то все остальное уже дело актеров...

Всегда с наилучшими
Папá

15 июня 1961 года

*Фредерику Г. Сэвирсу⁴⁴
Рочестер*

Дорогой Фритц,

ужасно огорчился, узнав сегодня утром из письма твоего отца, что ты еще несколько дней пробудешь в больнице в Денвере, и спешу

написать тебе, чтобы ты знал, как мне хочется видеть тебя выздоровевшим.

В Рочестере было очень жарко и душно, но последние два дня стало прохладно и хорошо, и ночи просто созданы для сна. Места здесь прекрасные, и мне удалось повидать некоторые красивые места на Миссисипи, где в старые времена сплавляли лес и где сохранились тропы, по которым первые поселенцы пришли на север. На реке видел, как прыгают великолепные окуни. Раньше я ничего не знал о верховьях Миссисипи, а места тут и правда хороши и осенью здесь полно фазанов и уток. Но все же меньше, чем в Айдахо, и я надеюсь мы оба скоро туда вернемся и будем вместе посмеиваться над нашими болячками.

Прими, старина, наилучшие пожелания от своего верного друга, который очень скучает по тебе.

Мистер Папа

Всего самого хорошего твоим родителям. Я чувствую себя превосходно и вообще настроен очень оптимистично и надеюсь всех вас скоро увидеть.

КОММЕНТАРИИ

¹ В 1918 году капитан Гэмбл был старшим инспектором передвижной военно-торговой службы. Хемингуэй был ранен 8 июля 1918 года, будучи офицером этой службы.

² Хемингуэй имеет в виду американку Агнес фон Куровски, которая была сестрой милосердия в его госпитале в Милане. Она послужила прототипом Люз в «Очень коротком рассказе» и Кэтрин Баркли в романе «Прощай, оружие!».

³ Уильям Д. Хорн в 1918 году служил вместе с Хемингуэем водителем санитарной машины на итало-австрийском фронте. Фамилия Ногге созвучна англ. слову *horned* — рогаговец.

⁴ Хемингуэй описал этот эпизод в рассказе «На сон грядущий» (прим. К. Бейкера).

⁵ Геттисберг — город в США, штат Пенсильвания. В 1863 году во время гражданской войны армия северян одержала здесь решающую победу над армией рабовладельческого юга.

⁶ В апреле — мае 1922 года Хемингуэй в качестве корреспондента «Торонто дейли стар» присутствовал на Генуэзской экономической конференции, где среди прочих политических деятелей встречался с Г. В. Чичериным и М. М. Литвиновым. В отличие от большинства корреспондентов буржуазных газет Хемингуэй объективно и положительно освещал позицию делегации Советской России.

В июне 1922 года Хемингуэй с женой совершил поездку по местам бывших боев, затем побывал в Швейцарии и Испании. В сентябре — октябре по заданию газеты он был в Малой Азии, где стал свидетелем трагедии изгнанного из Восточной Фракии греческого населения. В ноябре — декабре 1922 года он был на Лозаннской конференции по вопросам Ближнего Востока. В марте 1923 года газета командировала его в оккупированный Рур.

⁷ В августе 1923 года Хемингуэй с женой вернулись в Торонто, 10 октября родился сын Джон.

⁸ Американское издательство, на протяжении многих лет печатавшее все произведения Хемингуэя.

⁹ Арлан, Марсель — французский писатель, в своих произведениях утверждал патетическое единение человека и природы.

¹⁰ Джойс, Джеймс (1882—1941) — английский писатель, представитель авангардизма.

¹¹ Каллаган, Морли — американский журналист, писатель. В 20-е годы работал с Хемингуэем в «Торонто дейли стар». Полин Пфайфер — американская журналистка, вторая жена Хемингуэя.

¹² Как отмечал известный советский литературовед Я. Н. Засурский, убедившись, что серьезные произведения не печатаются массовыми журналами, Фицджеральд «... вынужден был поступиться своими убеждениями ради высоких гонораров».

¹³ Хемингуэй имеет в виду прототип Эдди Маршала — одного из персонажей в его романе «Иметь и не иметь».

¹⁴ Силвестер, Гарри — американский писатель, приверженец католицизма.

¹⁵ В 1937 году Хемингуэй в качестве члена бюро организации Американских друзей Испании организовал сбор средств для покупки санитарных машин и оборудования для республиканской Испании. Средства, вырученные за фильм «Испанская земля», также пошли в фонд помощи Испании.

¹⁶ Ричардсон, Хэндли — первая жена Хемингуэя, в 1933 году вышла замуж за Пола Моурера (прим. К. Бейкера).

¹⁷ Саламанка — город в Испании. В 1936—39 гг. — резиденция генерала Франко.

¹⁸ Хемингуэй имеет в виду нападки буржуазных критиков на его социальный роман «Иметь и не иметь».

¹⁹ Дос Пассос, Джон (1896—1970) — американский писатель. В 20-е годы представитель «потерянного поколения». В конце 30-х годов отошел от левых убеждений и стал выступать с выпадами против коммунистов.

²⁰ Дуран, Густаво — француз, подполковник республиканской армии, до гражданской войны в Испании был композитором. Хемингуэй познакомился с ним еще в 20-е годы в Париже.

²¹ Гласс, Картер (1858—1946) — американский политический деятель, 1920—1946 гг. сенатор от штата Вирджиния.

²² Мальро, Андре (1901—1976) — французский писатель, государственный деятель.

²³ 16 апреля 1923 года правительство Англии подписало соглашение с Муссолини, практически согласившись на участие итальянских войск в войне на стороне Франко.

²⁴ Уэлш, Мэри — американская журналистка, с которой Хемингуэй познакомился в Лондоне в апреле 1944 года. В 1946 году она стала его женой.

²⁵ Геллхорн, Марта — американская журналистка. Хемингуэй познакомился с ней во время Гражданской войны в Испании. С 1940 по 1945 г. — третья жена Хемингуэя.

²⁶ В 20-е годы в Париже книжная лавка Сильвии Бич была своеобразным писательским клубом.

²⁷ Тинторетто (1518—1594)— итальянский живописец, настоящее имя Робусти.

²⁸ Бамби — Джон Хемингуэй, старший сын Э. Хемингуэя. Служил в частях Управления стратегических служб, был заброшен с группой десантников в тыл немецких войск во Франции, ранен и взят в плен. После госпитализации для военнопленных он был освобожден, но вскоре вновь попал в плен. Вторично освобожден американскими войсками из лагеря для военнопленных в мае 1945 года.

²⁹ Хемингуэй имеет в виду неоконченный роман С. Фицджеральда «Последний магнат».

³⁰ После первой мировой войны Хемингуэя долгое время преследовали ночные кошмары, и он не мог спать в темноте.

³¹ Э. Уилсон — американский литературовед, который, как и многие буржуазные критики, объяснял критическое мироощущение Хемингуэя психическими травмами, полученными им в детстве и на фронте первой мировой войны.

³² Грант, Улисс Симпсон (1822—1885)— главнокомандующий армией Севера в Гражданской войне в США, 18-й президент США.

³³ Кроуфорд, Кен — американский журналист. Во время 2-й мировой войны находился с Хемингуэем во Франции.

³⁴ Пил, Эрнест Тейлор (1900—1945)— американский военный корреспондент. Погиб во время 2-й мировой войны.

³⁵ Беренсон, Бернард — искусствовед, критик, специалист по искусству Возрождения в Италии. Несмотря на большую разницу в возрасте (он был намного старше Хемингуэя), на протяжении многих лет оставался близким другом Мэри и Эрнеста Хемингуэя.

³⁶ «Армия спасения», международная религиозная организация. Основана в 1865 году в Англии «возрожденцем» Уильямом Бутом.

³⁷ Беннетт, Джеймс Гордон (1795—1874)— американский журналист, основатель и редактор газеты «Нью-Йорк геральд».

³⁸ Бритт, Харви — американский журналист, корреспондент «Нью-Йорк таймс», с которым Хемингуэй познакомился в 50-е годы и впоследствии часто переписывался.

³⁹ «Мау-Мау» — тайное религиозно-политическое движение, зародившееся в Кении в конце 40-х годов. Его основными целями были возврат земель, захваченных у африканцев колонизаторами, и установление самоуправления.

⁴⁰ 23 января 1954 года самолет, на борту которого находились Мэри и Эрнест Хемингуэй, задев за телеграфный провод, потерпел аварию в северо-западной части Уганды. 24 января Хемингуэй с женой и пилот Рой Марш добрались на случайно проходившем мимо катере до местечка Бутнабу. В этот же день они вылетели на спасательном самолете в г. Энтеббе и при взлете вновь потерпели аварию. Самолет загорелся. Рой Марш и Мэри

выбрались через выбитое окно. Дверь заклинило, но Хемингуэю удалось выбраться, выбив дверь головой и плечом.

⁴¹ Хемингуэй и Дорман-О'Гоуен познакомились в Италии во время первой мировой войны и с тех пор оставались друзьями всю жизнь. В переписке Хемингуэй в шутку называл своего друга Чинк — такой кличкой в США называют китайцев.

⁴² 28 октября 1954 года Хемингуэю была присуждена Нобелевская премия по литературе.

⁴³ Персиваль, Филип — белый охотник, друг Хемингуэя, помогавший ему в его первом (1933—1934 гг.) и втором (1953—1954 гг.) сафари. Прототип Старика в документальных произведениях «Зеленые холмы Африки» и «Лев мисс Мэри».

⁴⁴ По свидетельству Мэри Хемингуэй и К. Бейкера, в феврале 1961 года уже тяжело больного Хемингуэя попросили сделать подпись для дарственного тома президенту Кеннеди. Хемингуэй работал целый день, исписал десятки страниц, и все впустую. Но даже в таком состоянии, узнав о том, что девятилетний сын его лечащего врача Фредерик Сэвирс, страдавший заболеванием сердца, вновь госпитализирован, Хемингуэй нашел в себе силы написать мальчику несколько прекрасных, вселявших надежду строк. Это было 15 июня 1961 года.

2 июля 1961 года, менее чем через три недели после письма Фредерику, Эрнест Хемингуэй застрелился из охотничьего ружья.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Виктор Погостин. Э. Хемингуэй — автопортрет в письмах.</i>	3
<i>ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ. ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА (1918—1961 гг.)</i>	7
Комментарии	60

Эрнест Хемингуэй

♦ ...ОСТАВАТЬСЯ САМИМ СОВОЙ... ♦

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор О. Н. Ласточкина.

Сдано в набор 29.11.82. Подписано к печати 28.02.83. А 00634.
Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 3,76. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 611. Зак. № 3542. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.